

ИЗВѢСТІА

ПО

КАЗАНСКОЙ ЕПАРХІИ

Годъ 1901.

(35-й годъ изданія).

№ 12-й.

15-го Іюня.

Содержаніе: 1) Указы Св. Синода.—2) Распоряженія Епархіальнаго Начальства.—3) Извѣщеніе отъ Казанскаго епархіальнаго училищнаго совѣта.—4) Разрядный списокъ ученицъ Казанскаго епархіальнаго женскаго училища.—5) Желательный контингентъ псаломщиковъ.—6) Буддисты ли вотяки?—7) Кончина и погребеніе воспитанника семинаріи.

УКАЗЫ СВЯТѢЙШАГО СИНОДА.

Объ открытіи самостоятельныхъ приходо́въ.

Указами Св. Синода, отъ 30 мая сего года за №№ 3638, 3639, 3641 и 3642, при вновь построенныхъ церквахъ въ деревняхъ: Янишевой, Ядринскаго уѣзда, Шейбулакъ, Царевкопшайскаго уѣзда, Пуялкахъ, того же уѣзда, Полянкахъ, Ядринскаго уѣзда, открыты самостоятельные приходы съ причтами изъ священника и псаломщика и съ назначеніемъ причтамъ со дня Синодальнаго опредѣленія казеннаго жалованія по 400 руб. въ годъ, въ томъ числѣ священникамъ по 300 руб. и псаломщикамъ по 100 руб.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

Опредѣленіе Епархіальнаго Начальства, отъ 12/19 мая сего года, относительно принятія въ духовное званіе псаломщиковъ состоящихъ въ податномъ состояніи.

Ходатайства псаломщиковъ податнаго состоянія объ увольненіи ихъ изъ сего состоянія и о принятіи ихъ въ духовное званіе могутъ быть возбуждаемы или ими самими, или же мѣстными благочинными не ранѣе, какъ по истеченіи трехъ лѣтъ со времени назначенія къ исполненію должности псаломщика. Всѣ таковыя ходатайства должны сопровождаться постановленіемъ мѣстнаго благочинническаго Совѣта о томъ, что проситель по своей подготовленности, поведенію и нравственнымъ качествамъ заслуживаетъ принятія въ духовное званіе. Всѣ псаломщики неуволненные изъ податнаго сословія должны писаться, на будущее время, до своего увольненія изъ податнаго сословія, какъ въ елировыхъ вѣдомостяхъ, такъ и въ другихъ документахъ—„временно исполняющимъ обязанности псаломщика“, а въ подписяхъ, для краткости,—„въ должности псаломщика такой то“.

Согласно вышеозначенному же опредѣленію посвящаться въ стихарь будутъ только тѣ изъ псаломщиковъ податнаго состоянія, кои окончателно приняты въ духовное званіе.

Возведены въ санъ протоіеря:

Духовникъ Казанской духовной семинаріи, священникъ Дмитрій Чудовскій 20 мая.

Священникъ церкви Московскихъ Чудотворцевъ г. Казани Гурій Сиріусовъ 25 мая.

Награждены набедренникомъ:

Священникъ села Кокшайскаго, Царевококшайскаго уѣзда, Валентинъ Троицкій 19 мая.

Іеромонахъ Архіерейскаго дома Іосифъ 24 мая.

Священники селъ: Бутырей, Лаишевскаго уѣзда, Алексѣй Лепоринскій, и Рождествина, того же уѣзда, Петръ Бѣлевъ 26 мая.

Священникъ села Михайловскаго, Царевококшайскаго уѣзда, Семень Азановскій 28 мая.

Посвящены въ стихарь:

Псаломщики: с. Усолы, Козмодемьянскаго уѣзда, Теодоръ Хрусталевъ и с. Кулакова, того же уѣзда, Владиміръ Самохваловъ 17 мая.

Псаломщикъ Никольской г. Свіязска церкви Иванъ Терентьевъ 27 мая.

Движенія и перемѣны по службѣ.

Рукоположены: Псаломщикъ въ санѣ діакона при Лаишевскомъ женскомъ монастырѣ Тихонъ Поповъ—во священника, съ оставленіемъ на томъ же мѣстѣ 27 мая.

Псаломщикъ с. Верхней Баланды, Чистопольскаго уѣзда, Николай Воскресенскій—во діакона въ с. Вишневую Поляну, того же уѣзда 25 мая.

Псаломщикъ с. Аксубаева, Чистопольскаго уѣзда, Владиміръ Воскресенскій—во діакона въ с. Чувашскую Сорму, Ядринскаго уѣзда, 27 мая.

Псаломщикъ с. Потанихи, Царевококшайскаго уѣзда, Владиміръ Шатинъ—во діакона, съ оставленіемъ на псаломщической вакансіи 25 мая.

Перемѣщены: Священникъ с. Соколыхъ Горь, Мамдышскаго уѣзда, Садокъ Лебедевъ—въ с. Малую Юнгу, Козмодемьянскаго уѣзда, 31 мая.

Псаломщикъ Воскресенской г. Чебоксарь церкви, Константинъ Лебедевъ—къ Михаило-Архангельской церкви г. Казани, 20 мая.

Псаломщики с. Кургула, Спасскаго уѣзда, Ложкинъ и села Матокъ, того же уѣзда, Евлампіевъ одинъ на мѣсто другаго, 30 мая.

Псаломщики с. Кирельскаго, Тетюшскаго уѣзда, Зилотинъ и с. Богатырева, Ядринскаго уѣзда, Громовъ—одинъ на мѣсто другаго, 2 іюня.

Опредѣлены: Сынъ псаломщика Михаилъ Лебедевъ—псаломщикомъ въ с. Верхнюю Баланду, Чистопольскаго уѣзда, 26 мая.

Учитель школы грамоты Иванъ Листовъ—псаломщикомъ въ с. Донауровскій Урай, Лаишевскаго уѣзда, 2 июня.

Левъ Агатицкій—псаломщикомъ въ с. Сунгурово, Казанскаго уѣзда, 2 июня.

Заштатный псаломщикъ, въ санѣ діакона, Павелъ Альфонсовъ—псаломщикомъ къ Воскресенской г. Чебоксаръ церкви, 2 июня.

Уволены за штатъ: Псаломщикъ въ санѣ діакона с. Сунгурова, Казанскаго уѣзда, Шонгутскій, 28 мая.

Священникъ села Малой Юнги, Козмодемьянскаго уѣзда, Арнольдъ, 28 мая.

Священникъ села Малой Шатьмы, Ядринскаго уѣзда, Георгій Маловъ, 30 мая.

Умеръ діаконъ села Муратова, Свияжскаго уѣзда, Аѳонскій, 14 мая.

Присоединены къ Православію:

19 января сего года священникомъ села Колунца, Тетюшскаго уѣзда, Сергѣемъ Толцѣгинымъ раскольницы безпоповщинской секты спасовцевъ-подначальниковъ крестьянскія дѣвицы деревни Владиміровки Анастасія Козмина Михайлова 21 года и 17 мая Степанида Яковлева Сенатова 17 лѣтъ; 16 февраля поморской секты крестьянка деревни Пролей Кашъ, Марья Θεодорова Шулаева 45 лѣтъ и 5 мая поповщинской противоокружнической секты дочь крестьянина села Колунца Неофита Иванова Параскева 31 года и дочери ея—2 мая Марѳа 6 лѣтъ и 13 мая Θεодосія 3 лѣтъ.

10-го мая сего года причтомъ села Краснаго Яра, Чистопольскаго уѣзда, раскольница безпоповщинской секты еедосѣвскаго безбрачнаго согласія незаконнорожденная дочь крестьянской вдовы села Алексѣевского, Лаишевскаго уѣзда, Евдокіи Петровой Бѣловой—дѣвица Агрипина, 25 лѣтъ.

Просвѣщены Св. Крещеніемъ.

7-го мая сего года причтомъ Успенскаго г. Казани собора магометанинъ — крестьянинъ деревни Бурундукъ, Свіязскаго уѣзда, Гисматулла Сибигатуллинъ, 20 лѣтъ, съ нареченіемъ ему имени Николай, по крестномъ отцѣ Θεодоровъ Акуловъ. 17 мая крестьянскій сынъ той же деревни магометанинъ Гизетулла Сибигатуллинъ 16 лѣтъ, съ нареченіемъ ему имени Василій, по крестномъ отцѣ Николаевъ Дурандинъ; дер. Кугушарчи изъ черемисъ язычникъ Вачай Васюковъ 21 года, съ нареченіемъ ему имени Василій по крестномъ отцѣ Яковлевъ Смоленцевъ; села Яншихова Норвашъ изъ чувашъ язычника Алексѣя Илюкова жена Дарья Питъмусева 22 лѣтъ, съ нареченіемъ ей имени Дарья, по крестномъ отцѣ Михайлова, и дочь ихъ Анастасія 1 года 10 мѣсяцевъ, съ нареченіемъ имени Анастасія же, по крестномъ отцѣ Гермонова; того же села изъ чувашъ язычникъ, уволенный въ запасъ арміи, рядовой Ванюшка Феодюшкинъ, 50 лѣтъ, съ нареченіемъ имени Іоаннъ, по крестномъ отцѣ Антоновъ Маркеловъ.

21 мая сего года священникомъ Гурьевской церкви при Казанско-крещено-татарской школѣ Тимоѣемъ Егоровымъ ученица Казанской фельдшерской школы мѣщанка гор. Казани, іудейскаго вѣроисповѣданія, Рахиль Лейбова Зимелькина 23 лѣтъ, съ нареченіемъ ей имени Раиса, по крестномъ отцѣ Сергѣева.

Освящены церкви.

8 мая сего года Его Высокопреосвященствомъ освященъ лѣвый придѣлъ въ храмѣ Чистопольскаго женскаго монастыря во имя Св. Великомученика Пантелеимона.

Его Преосвященствомъ Преосвященнѣйшимъ Іоанномъ, Епископомъ Чебоксарскимъ, викаріемъ Казанской епархіи, въ сослуженіи благочиннаго священника Василія Бонифатіева и мѣстнаго духовенства, освящены церкви: 17-го мая сего года въ деревнѣ Аетаяжахъ, Козмодемьянскаго уѣзда, во имя Св. Николая Чудотворца и 28 мая въ деревнѣ Аксаевой, того же уѣзда, во имя Св. Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова.

ИЗВѢЩЕНІЕ

отъ Казанскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта.

За труды по церковно-школьному дѣлу:

1) Завѣдующимъ второклассныхъ школъ: Бетьковской свящ. Тресвятскому и Больше-Чурашевской свящ. Ляпидовскому преподается благословеніе Его Высокопреосвященства съ грамотою и съ занесеніемъ о семъ въ формулярахъ.

2) Завѣдующимъ второклассныхъ школъ: Теньковской свящ. Матвѣевскому, Краснополянской свящ. Преображенскому, Юматовской свящ. Самуилову, Михаило-Архангельской бывшему завѣдующему игумену Димитрію и настоятелю игумену Арзядію выражается благодарность Совѣта со внесеніемъ въ формулярахъ.

3) Учителямъ второклассныхъ школъ: Шихазановской—Добросмыслову, Краснополянской—Чернышеву, Бетьковской—Россову, Поливанову и Лещешкину, Саврушской Капитонову—преподается Архипастырское благословеніе съ грамотою.

4) Учителямъ второклассныхъ школъ: Теньковской Азбукину, Дюсьметевской—Панову (нынѣ свящ. г. Мамадыша) и Ронгинскому и Саврушской Львову—выражается благодарность Совѣта со внесеніемъ въ формулярахъ.

5) Законоучителямъ и завѣдующимъ одноклассными церковными школами

1) *по г. Казани и Казанскому уѣзду*: Акинской—свящ. Смирнову, Георгіевской г. Казани—свящ. Тихомирову и Кабачищенской П. Цвѣткову;

2) *Лаишевскому уѣзду*: Никольской—свящ. Рождественскому, Куюковской—свящ. Бетьковскому, Елагинской—свящ. Нечаеву, Карадульской—свящ. Протодіаконову, Лаишевской—свящ. Матвѣевскому, Кодряковской—діакону Тихонравову, Ново-Салтанской свящ. Аѳонскому, Шебулатовской—свящ. Герасимову и Ивановской—свящ. Иларіонову;

Спасскому уезду: Волосниковской—свящ. Рождественскому, Базарно-Мотаковской—свящ. Касаткину, Жедяевской—свящ. Смѣлову, Русско-Юрткульской свящ. Зефирову, Березовской—діакону Дементьеву, Трехъ-Озерской—священнику Александрову, Караваевской—свящ. Фортунатову, Марасинской—свящ. Спасскому, Старо-Шенталинской—свящ. Орлову, Старосельской—свящ. Ивановскому, Кошкинской—свящ. Миролюбову, Александровской—свящ. Теплому и Балымерской—свящ. Вадимову;

4) *Свѣяжскому уезду*: Кирмелинской—свящ. Баранову, Кобызевской—свящ. Танкѣвскому;

5) *Цивильскому уезду*: Казанско-Богородицкой г. Цивильска—свящ. Добронравову, Воскресенско-Шигалинской—свящ. Грекову, Багильдинской—свящ. Петропавловскому, Кошелевской—свящ. Зайкову, Алдіаровской—свящ. Вѣкову.

6) *Ядринскому уезду*: Алманчинской—свящ. Карчевскому, Альменевской свящ. Зороастрову, Больше-Чурашевской свящ. Ляпидовскому, Трановской свящ. Кедрову и Кудашевской—свящ. Бузановскому,

7) *Тетюшскому уезду*: Кирельской, Менситовской и Капердинской свящ. Панову, Завражно-Каратаевской, свящ. Соколову, Больше-и Мало-Бисаринскихъ—діакону Иванову, Теодоровской, Удѣльно и Выселко-Нечасовскихъ—свящ. Толпѣгину;

8) *Чебоксарскому уезду*: Шершувльской—свящ. Воинову, Щамальской свящ. Смирнову, Янцибуловской—свящ. Данилову, Нижне-Помьяльской—свящ. Спасскому, Салдыбаевской—свящ. Вишнеvesкому, Картлуевской—свящ. Эминентову и Лапсарской—свящ. Полиевтову.

9) *Царевкокшайскому уезду*: Старо-Заводской—протоіерею Преображенскому, Тылда-Моркинской—свящ. Клопскому, Нижне-Азяльской—свящ. Талантову, Просто-Абасурской—свящ. Бѣлогусьеву, Петровской и Чуншинской свящ. Ложкину, Изиугунурской—свящ. Голубеву, Мало-Агашевской—свящ. Трофимову и Мало-Шапланской—свящ. Суворову.

10) *Мамадышскому уезду*: Соколье-Горской—свящ. Лебеву, Верхне-Секенеевской—свящ. Городецкому, Ново-

Никольской свящ. Багину, Тошліярской—свящ. Богоявленскому, Комаровской—свящ. Гаврилову и Плаксихинской и Отарь-Илгинской свящ. Нечаеву.

11) *Чистопольскому уѣзду*: Меньчинской—свящ. Казанцеву, Чистопольской Успенской—свящ. Орлову, Новопоселенно-Сосновской—свящ. Рождественскому, Старо-Токмаклинской—свящ. Гремячкину, Старо и Ново-Ильмовскихъ свящ. Анисьину, Больше-Толгинской свящ. Осеннему, Богдашкинской—свящ. Назарову, Жукотинской—свящ. Ставропольскому, Булдырской свящ. Давыдову, Верхне-Баладинской свящ. Королеву, Челновершинской свящ. Пѣнкину и Васильевской свящ. Лебедеву.

12) *Козмодемьянскому уѣзду*: Ахманеевской—свящ. Васильеву, У.-Солинской—свящ. Пандикову, Кузнецовской—свящ. Челнокову, Морго-Учинской свящ. Аристову, Наумовской—свящ. Аристовскому, Шапчилинской—свящ. Преображенскому и Мало-Карачкинской—свящ. Добросмыслову—преподается Архипастырское благословеніе.

Предсѣдателямъ земскихъ управъ: Козмодемьянской, Ядринской, Цивильской, Тетюшской, Царевкококшайской, Мамадышской, Чистопольской, Казанской, Свіязской, Лаишевской и Чебоксарской, землевладѣлицъ Спасскаго уѣзда Н. И. Галкиной-Врасской, женѣ завѣдующаго Теньковской второклассной школою А. А. Матвѣевской—преподается Архипастырское благословеніе.

Попечителямъ церковныхъ школъ: Богоявленской г. Казани—Вараксиной, Духосошестввенской г. Казани—Т. О. Тихомирнову, Чернопенской, Каз. у., А. П. Романову, Красно-Полянкой второклассной—земскому начальнику Казину, Мурзихинской, Лаиш. у., Лаишевскому предводителю дворянства—Толстому, Балымерской—Блиновой, Караваяевской—Демидовой, Пановской Макашину, Засурской—Васильевской, (Нижегородской губ.) предводителю дворянства Зубову и Дюсьметевской второклассной—Мамадышскому купцу Щербакову—преподается Архипастырское благословеніе.

Учителямъ церковныхъ школъ:

1) *По г. Казани и Казанскому уѣзду*: Богоявленской—Хрусталевой, Духосошестввенской—діакону Дезидеріеву, Вла-

димірской—діакону Богоявленскому, Воскресенской—Григорьевой, Ивановской—Омину, Горкинской—Бартицкому и Георгіевской—Иванову.

2) *Свіязьскому уязду*: Кирмелинской—діакону Васильеву, Кобызевской—діакону Мясникову, Верхне Услонской—діакону Долонину, Нижне-Услонской—Бѣлокуровой и Исаковской—псаломщику Срѣтенскому.

3) *Лашевскому уязду*: Байтеряковской—діакону Андромонову, Шумбутской—псаломщ. Ямблонскому, Саконской—Досову, Сергіевской—Вангаеву, Мельнично-Починковской—Рыжову, Кодряковской—Софронову, Чучинской—Крылову, Казыльской—Кассимову, Лебяжьинской—Дворецкому, Поляковской—Орлову, Ново-Салтанской—Крюкову, Кузькинской—діакону Воецкому, Смолдіаровской—запштатному псаломщику Николаеву, Ново-Починковской—Воробьеву, Торхановской—Беретахину, Брынковской—Грязнову, Яшкинской—Подгорнову, Уривинской—Петрову и Козловской—Ефремову.

4) *Спасскому уязду*: Волосниковской—Жирнову, Кошкинской—псаломщику Магнитскому, Лебяжьинской—псаломщику Запольскому, Марасинской—Торопову, Старо-Шенталинской—Кудряшову, Караваевской мужской—діакону Петрову, женской—Фортунатовой, Жедяевской—діакону Софонову, Березово-Гривской—діакону Дементьеву, Кожавской—Феодорову, Балымерской—Сперанской, второй Болховской—Денисову, Михаило-пріютковской—Капитонову, Русско-Юрткульской—діакону Ястребову, Муллинской—Титовой, Хлѣбдаровской Степановой и Средне-Бихтемировской—Корнетову.

5) *Цивильскому уязду*: Казанско-Богородицкой г. Цивильска-Барашеву и помощнику его Лукину, Воскресенско-Шигалинской—діакону Тихонравову, Шорь-касинской Ялакову, Старо-Арабосинской—діакону Благовѣщенскому, Старо-Тябердинской—Козьмину, Рындинской—Сѣрянину, Сиччаровской—Васильеву, Кутаковской—Андрееву, Тувсинской—Иванову, Анишь-Посинской—Иванову, Чель-Кумакинской—Христофорову, Чубаевской—Егорову, Утынской—Преображенскому, Яниково Шорь-кисринской 2 мужской—Тарасову, Батѣвской—діакону Пактовскому, Уразминской—Николаеву, Старо-Казыльярской—псаломщику Селиванову и Ново-Муратовской—Николаеву.

6) *Ядринскому уезду*: Сергѣевской—Мурзину, Александровской—Тимоѣеву, Тайшевской—Еремѣву, Яушской—Смородинову, Алманчинской—діакону Степанову, Шербашевской—Лѣсину, Иваньковской—Широнову, Больше-Чурашевской—Талавриновой, Ораушской—Скворцовой и Чемѣвской Гортинской.

7) *Тетюшскому уезду*: Преображенской, Бекиной, Терехиной, учителю Ново-Біабашской школы Лаврентьеву, Лаптевской—Ливатову и Индырчинской—Строганову.

8) *Чебоксарскому уезду*: Янцибуловской—Евдокимову, Салдыбаевской Васильеву, Щамальской—Архипову, Чемуршинской—Федорову, Шершульской—Родионову, Чиршъ-Тоизинской—Васильеву, Аккозинской—Егорову, Сить-Минской—Васильеву, Дятлинской—Громову, Картлуевской—псаломщику Петрову, Карадашевской—Степанову, Бокашевской—Виноградову, Байчеевской—Сергѣеву, Гараньяльской—Владимирову, Больше-Шигаевской—Васильеву, Полькинской—Овсянникову, Юраковской—Павловой, Енькасинской—Осипову, Ольдеевской—Иванову, Вележинской — псаломщику Андрееву, Арзаматовской—Якимову, Калугинской—Степанову, Лапсарской—Леонтьеву, Князьтеньковской—Маркову, Нерядовской—Сергѣеву, Протопоповской—учительницѣ Мостаченко, Эльборусовской—Алексѣеву.

9) *Царевококшайскому уезду*: Купъ-Солинской—Рыбакову, Изигунурской Соловьеву, Мало-Шопланской—діакону Турентинову, Петровской—Логинову, Просто-Абаснурской—Крылову, Нижне-Азьяльской—Талантову, Тыгда-Морвинской—Букетову, Алексѣевской—Михайлову, Урганшинской—Димитріеву, Пахомовской—Есипову и Юшковской—Бирюлеву.

10) *Мамадышскому уезду*: Красногорской—діакону Рахову, Верхне-Секенесьской—діакону Мельникову, Ташлярской Гаврилову, Ново-Никольской—Терентьеву, Березово-Полянской—Листову, Дюсьметевской—Игуминой.

11) *Чистопольскому уезду*: Чистопольской—Успенской—Мозориной, Старо-Токмаклинской—діакону Θεодорову, Старо-Ильмовской—діакону Яхонтову, Ново-Иванаевской—Сучкову, Булдырской—Димитріеву, Селенгушской—Елдашеву, Ильин-

ской—Цаплиной, Новопоселенно-Сосновской—псаломщику Новикову, Меньчинской—діакону Соловьеву, Жукотинской—Вотякову, Гершеховской—Озерскому, Ачинской—Антонову, Старо-Саврушской—Мионову, Никольской—Эминентову, Мало-Сунчелевской—Прокопьеву, Богоявленско-Горской—Чечерову и Масляеву.

и 12) *Козмодемьянскому уезду*: Ахманеевской—Смирнову, Засурской—Мазаеву, Монастырской—Родионову, Шешкарской—Васильеву, Кузнецовской—Земляницкой, Елкинской—Щербухину—выражается благодарность Совѣта.

РАЗРЯДНЫЙ СПИСОКЪ

ученицъ Назанскаго епархіального женскаго училища, составленный Совѣтомъ училища послѣ годичныхъ экзаменовъ 1900—1901 учебнаго года.

V основной классъ.

Разрядъ 1-й: Пономарева Маріамна, Источникова Елизавета, Романова Елизавета—переводятся въ VI классъ и награждаются книгами и похвальными листами.

Ивановская Серафима,—5) Пикторинская Александра, Вахонина Екатерина, Ивановская Вѣра, Аванасьева Марія—переводятся въ VI классъ и награждаются похвальными листами.

Разрядъ 2-й: Меньшикова Ольга,—10) Николаева Елизавета, Большакова Марія, Зороацкая Лидія, Краснова Нина, Сперанская Анна,—15) Монастырева Елизавета, Выборнова Ольга, Николаева Агнія, Рождественская Антонина, Григорьева Нина,—20) Грачева Марія, Соколова Лидія, Аристархова Зоя, Аристовская Александра, Скарабевская Евпраксія,—25) Болгарская Серафима, Ивановская Аполлинарія, Екатерининская Варвара, Троицкая Лидія, Грузинцева Софія,—30) Дмитріева Екатерина, Осипова Софія, Вишневская Агнія, Давыдова Екатерина, Красновидова Евгенія,—35) Никольская Фавста, Дмитріева Елена, Разумова Людмила, Іерусалимская Валентина, Рѣдозубова Александра,—40) Буртасовская Люд-

мила, Красновидова Валентина, Трефилова Елизавета, Сельская Валентина—переводятся въ VI классъ.

Сохорѣцкая Глафира, по болѣзни не сдававшая экзаменъ по словесности, допускается къ экзамену по этому предмету.

Допускаются къ переэкзаменовкѣ:

—45) Рапидова Графира по русскому языку.

Ивановская Клавдія по географіи.

Соколова Марія и Попова Графира по словесности.

Аѳонская Анна по русскому языку.

—50) Артизанова Лидія по географіи, словесности и гражданской исторіи.

V ПАРАЛЛЕЛЬНЫЙ КЛАССЪ.

Разрядъ 1-й: Казанцева Елена переводится въ VI классъ и награждается книгою и похвальнымъ листомъ.

Целерицкая Вѣра, Троицкая Елизавета, Улитина Вѣра,
—5) Пятницкая Нина, Миролюбова Алевтина, Меньшикова Марія, Ирзина Таисія, Краснова Людмила—переводятся въ VI классъ и награждаются похвальными листами.

Разрядъ 2-й:—10) Соколова Марія, Троицкая Софія, Кудрявцева Марія, Львова Валентина, Карчевская Агнія,—15) Эминентова Людмила, Полосухина Валентина, Тихомирова Нина, Гремячкина Юлія, Козлова Юлія,—20) Саганова Марія, Егорова Екатерина, Рудольская Александра, Авважумова Антонина, Альпидовская Ксенія,—25) Фортунатова Марія, Яхонтова Инна, Журипа Людмила, Разумовская Анна, Николаева Марія,—30) Фортунатова Валентина, Нечаева Марія, Ардатская Антонина, Богоносцева Александра, Воскресенская Екатерина,—35) Десницкая Юлія, Филиппова Марія, Аменицкая Евгенія, Срѣтенская Серафима, Воскресенская Марія,—40) Платонова Александра, Целерицкая Александра, Разумова Ольга, Платонова Валентина, Бѣлокурова Ольга—переводятся въ VI-й классъ.

Допускаются къ переэкзаменовкѣ:

—45) Соколова Ольга по географіи, Платонова Елена по физикѣ, Богородицкая Ольга и Тихомирова Анна по словесности.

III основной классъ.

Разрядъ 1-й: Александрова Капитолина—переводится въ IV-й классъ и награждается книгою и похвальнымъ листомъ.

Тюрлеминская Ольга, Рудольская Елена, Федорова Анна,—5) Пикторинская Евгенія, Тюрлеминская Елизавета, Пуцаровская Екатерина, Мочалова Александра, Архангельская Елизавета,—10) Рождественская Марія—переводятся въ IV классъ и награждаются похвальными лицами.

Разрядъ 2-й: Далматова Нина, Воскресенская Марія, Монастырева Зоя, Скарабевская Зинаида,—15) Лебедева Зоя, Рутова Елизавета, Добросмылова Юлія, Преображенская Лидія, Добровольская Александра,—20) Бѣлозерская Анастасія, Пономарева Агнія, Рождественская Ироида, Денисова Клавдія, Космина Анастасія,—25) Дмитріева Валентина, Иванова Ольга, Доброхотова Анна, Сперанская Раиса, Бряндинская Марія,—30) Нечаева Нина, Забіякина Анна, Сосунцова Вѣра, Лепоринская Марія, Орлова Серафима,—35) Большакова Матридія, Щепелева Марія, Богоявленская Таисія, Грекова Олимпиада, Булгакова Серафима,—40) Пактовская Лидія, Юнова Марія, Малова Любовь, Рождественская Ольга, Раева Марія—переводятся въ IV-й классъ.

Допускаются къ перекламеновкѣ:

—45) Кошчева Екатерина и Григорьева Александра— по ариеметикѣ.

Киселева Ирина и Добросмылова Александра по русскому языку.

Подобѣдова Вѣра,—50) Казыльская Елизавета и Русанова Антонина по ариеметикѣ.

Танкѣвская Екатерина—по русскому и церковно-славянскому языку.

Ласточкина Александра по церковно-славянскому языку и ариеметикѣ.

Титова Александра по русскому языку и ариеметикѣ.

—55) Степанова Нина по русскому и церковно-славянскому языку и ариеметикѣ.

Соколова Елена по Закону Божію, русскому и церковно-славянскому языку и географіи.

III ПАРАЛЛЕЛЬНЫЙ КЛАССЪ.

Разрядъ 1-й: Прокофьева Елизавета, Запольская Надежда, Васильева Клеопатра—переводятся въ IV классъ и награждаются книгами и похвальными листами.

Алмазова Людмила,—5) Кудрявцева Нина, Меньшикова Зоя, Смирнова Клавдія, Лебедева Александра, Воскресенская Софія—переводятся въ IV классъ и награждаются похвальными листами.

Разрядъ 2-й:—10) Богословская Марія, Бѣлокурова Алевтина, Бѣлокурова Лидія, Некрасова Антонина, Вишневецкая Лидія,—15) Лебедева Елизавета, Зороастрова Марія, Злобина Марія, Смирнова Юлія, Евтропова Людмила,—20) Александрова Александра, Богоносцева Елизавета, Тиховидова Калерія, Боголюбова Надежда, Земляницкая Серафима,—25) Молчанова Марія, Красновидова Екатерина, Грекова Лидія, Гурылева Лидія, Рубинская Агнія,—30) Анцифрова Елизавета, Архангельская Надежда, Благовѣщенская Нина, Зороастрова Ольга, Статирова Алевтина,—35) Березина Елизавета, Матвѣвская Елизавета, Разумовская Александра, Яблонская Марія, Листова Любовь,—40) Розова Анна, Мстиславская Лидія, Грачева Агаѳія, Гремячкина Юлія, Трефилова Нина,—45) Рождественская Антонина, Аѳонская Валентина, Молчанова Александра, Соловьева Александра, Сизанова Марія,—50) Муратовская Вѣра, Альпидовская Маріамна—переводятся въ IV-й классъ.

Допускаются къ переекзаменовкѣ:

Буртасовская Марія по русскому языку.

Масловская Софія по ариѳметикѣ.

Соколова Елизавета по русскому языку и ариѳметикѣ.

—55) Рождественская Марія по Закону Божію, русскому и церковно-славянскому языку и ариѳметикѣ.

Боголюбова Александра допускается къ экзаменамъ по всѣмъ предметамъ послѣ каникулъ.

I-й классъ.

Разрядъ 1-й: Иерусалимская Александра, Скарабевская Вѣра, Выборнова Елена, Ямбикова Марія,—5) Петропавлов-

ская Вѣра, Орлова Александра, Флоренцева Нина, Лебедева Анаиса, Архангельская Елена,—10) Корнетова Анна, Агатицкая Вѣра—переводятся во II классъ и награждаются похвальными листами.

Разрядъ 2-й: Вишневецкая Софія, Аристархова Серафима, Лебедева Ольга,—15) Сперанская Марія, Кармальская Иларія, Чудовичева Нина, Пронина Наталія, Гремякина Ольга,—20) Троицкая Марія, Воскресенская Зоя, Преображенская Варвара, Филиппова Пелагея, Вдовина Анна,—25) Добросмыслова Зоя, Гаврилова Стефанίδα, Воскресенская Клавдія, Журавлева Александра, Красновидова Антонина,—30) Сироткина Екатерина, Смѣлова Антонина, Турентинова Клавдія, Любимова Софія, Лещина Агафія,—35) Спасская Платонида, Каменева Елизавета, Краснова Елизавета, Аввакумова Клавдія, Петропавловская Вѣра,—40) Рудольская Марія, Муратовская Надежда, Досова Александра, Щепелева Анна, Зинина Варвара,—45) Малова Капитолина, Талызина Ольга, Люстрицкая Александра, Дьяконова Лидія, Чижова Марія,—50) Виноградова Людмила, Сидорова Екатерина, Шекарова Антонина, Тихвинская Анна. Переводятся во II-й классъ.

Допускаются къ переекзаменовкѣ:

Милова Анастасія по церковно-славянскому языку.
—55) Зиновьева Вѣра и Соколова Анна по русскому языку.
Березина Лидія и Соколова Надежда—по болѣзни оставляются на повторительный курсъ въ томъ же классѣ.

1) Приемныя испытанія для поступления въ Казанское епархіальное женское училище и переекзаменовки будутъ производиться въ слѣдующія числа:

31-го августа и 1-го сентября приемные экзамены для вновь поступающихъ въ I классъ училища.

3-го сентября переекзаменовки.

4-го сентября молебень и начало ученія.

Примѣчаніе: Приемныхъ экзаменовъ для поступления во II—VI классы, за неимѣніемъ въ сихъ классахъ свободныхъ вакансій, производиться не будетъ.

2) Плата за содержаніе и обученіе въ училищахъ полагается съ воспитанницъ духовныхъ Казанской епархіи, въ первый годъ поступленія пансіонерками 110 руб. въ годъ, а въ слѣдующіе годы по 100 руб. въ годъ; съ воспитанницъ же иноепархіальныхъ и свѣтскихъ по 250 руб. въ годъ. Съ воспитанницъ приходящихъ полагается за право ученія въ училищѣ съ дочерей духовныхъ по 20 руб. въ годъ, а съ свѣтскихъ по 40 руб. Желающія обучаться новымъ языкамъ (французскому и нѣмецкому, музыкѣ на рояли и скрипкѣ и рисованію вносятъ особую плату: за обученіе французскому и нѣмецкому языкамъ по 10 руб. въ годъ за каждый языкъ, за обученіе музыкѣ—на рояли 25 руб. въ годъ, за обученіе игрѣ на скрипкѣ 15 руб. въ годъ и за обученіе рисованію 6 руб. въ годъ. Плата, какъ за содержаніе въ училищѣ, такъ и за право ученія, и за обученіе французскому и нѣмецкому языкамъ, музыкѣ—на роялѣ и скрипкѣ и рисованію должна быть внесена въ два срока: половина взноса въ началѣ учебнаго года (во второй половинѣ августа мѣсяца) и вторая половина взноса въ первой половинѣ января мѣсяца.

Предсѣдатель совѣта протоіерей *Іоаннъ Горизонтовъ*.

ЖЕЛАТЕЛЬНЫЙ КОНТИНГЕНТЪ ПСАЛОМЩИКОВЪ. ¹⁾

Не хочу я, братіе, порицать дьячковъ добраго стараго времени. Были среди нихъ, какъ это бываетъ всегда, и хорошіе и малогодные. Конечно, многіе изъ нихъ были усердны къ храму Божию, любили и знали свое клиросное дѣло, пожалуй, были и благоговѣйны, не стыдились подрясника, особенно же послушны были настоятелю, близки были къ простому народу, даже и по одинаковымъ съ нимъ занятіямъ сельскимъ хозяйствомъ. Но при всемъ этомъ весьма многіе изъ нихъ были до того безграмотны, что едва умѣли писать

¹⁾ По поводу статьи въ Руков. для сельскихъ паст. за 1901 г. „Старый, новый и желательный типъ псаломщика“.

свою фамилію. Это отсутствіе хотя бы мало-мальски сноснаго образованія влало соотвѣтствующій отпечатокъ и на всю ихъ служебную дѣятельность и прежде всего на ихъ чтеніе и церковное пѣніе. Не даромъ старинное мало осмысленное дьячковское чтеніе и пѣніе вошло у насъ даже въ пословицу. Веденіе церковнаго писмоводства всецѣло лежало на священникахъ или діаконахъ. Дьячки писали, съ грѣхомъ пополамъ, метрики и исповѣдныя вѣдомости, да и то часто нанимали за себя другихъ. Нечего и говорить о томъ, что за немногими счастливыми исключеніями они не могли работать въ начальной школѣ уже потому, что сами были малограмотны. Наконецъ, не могли они стать и въ разумно-близкія отношенія къ своимъ священникамъ, такъ какъ не могли ни понять ни обсудить духовныхъ запросовъ и стремленій своихъ настоятелей—по той простой причинѣ, что между образованнымъ іереемъ и полуграмотнымъ дьячкомъ все же была пропасть великая. Правда, они были вполне послушны своему батюшкѣ; но что толку въ этомъ чисто холопскомъ послушаніи.

Повторяемъ, что у насъ совсѣмъ нѣтъ стремленія уни- зить добрыхъ старыхъ дьячковъ, тѣмъ болѣе, что пишущій эти строки самъ сынъ бывшаго пономаря, потомъ діакона и, наконецъ, іерея, 52 года безпорочно прослужившаго церкви Божіей. Мы только хотимъ сказать, что жизнь и времена измѣнчивы, мѣняются и потребности жизненныя. Въ добрую старую пору дьячекъ прежняго типа были пожалуй и приго- денъ, а нынѣ онъ малопригоденъ, ибо требованія къ нему предъявляются иныя, такія, удовлетворить которымъ онъ уже не въ состояніи. Вотъ почему и типъ стараго дьячка въ наше время отходитъ уже въ область преданія: его уничто- жаеть не иное что, какъ сама жизнь, время. Нынѣ нужны новые дьячки, образованные, способные не только разумно пѣть и читать, не только вести все сложное церковное писмоводство, но и работать въ школѣ въ качествѣ учи- теля, отъ котораго требуется выполненіе очень солидной программы, хотя бы и начальнаго образованія, наконецъ, способные помочь въ дѣлѣ проповѣди и своему настоятелю, помочь ему въ устроеніи разнаго рода просвѣтительныхъ и благотворительныхъ учрежденій и т. д. Не ясно ли, что здѣсь требуются люди образованные, и—окончившіе курсъ

духовныхъ семинарій какъ нельзя болѣе желательные кандидаты на это служеніе церковное.

И конечно, въ видахъ привлеченія семинаристовъ въ ряды низшихъ служителей церковныхъ прежнее названіе „дьячка“ замѣнено новымъ—„псаломщика“, названіемъ болѣе почтеннымъ, по крайней мѣрѣ, не такъ ругательнымъ, каковымъ сдѣлалось прежнее титло „дьячка“. Въ тѣхъ же, думаемъ, цѣляхъ, въ цѣляхъ болѣе расчистить семинаристамъ дорогу къ занятію должностей псаломщиковъ, не требуется нынѣ отъ послѣднихъ ношенія и подрясника. Мы не одобряемъ въ псаломщикѣ ни франтовства, ни небрежности въ костюмѣ, а хотимъ только замѣтить, что едва ли подрясникъ способенъ придать особую красоту, или какое-то особое значеніе псаломщику. Черный на всѣ пуговицы застегнутый сюртукъ съ глухимъ жилетомъ или бѣлой сорочкой—весьма приличный костюмъ для псаломщика, во всякомъ случаѣ не хуже подрясника.

Правда, псаломщикъ-семинаристъ требуетъ нѣсколько иного обращенія съ собою со стороны батюшки. Что же дѣлать, если священникъ, особенно привыкшій къ военной командѣ надъ раболѣпнымъ старого типа дьячкомъ, не встрѣтитъ въ современномъ псаломщикѣ подхалимства или рабскаго заискиванья?! За то псаломщикъ семинаристъ можетъ быть сердечнымъ другомъ священника, съ которымъ этотъ послѣдній можетъ въ часы досуга и поговорить, и почитать, и пообсудить то, что требуетъ обсужденія. Умнымъ и гуманнымъ обращеніемъ (а вѣдь оно и должно быть таково) священникъ всегда привяжетъ къ себѣ человѣка, ровнаго съ нимъ по образованію. И едва ли псаломщики-семинаристы сознательно откажутся подать кадило священнику, или поцѣловать у него, когда это нужно, благословляющую руку? Едва ли также откажутся они приготовить и убрать ризницу? Пишущій эти строки былъ нѣкоторое время ректоромъ семинаріи и видѣлъ, съ какимъ усердіемъ воспитанники VI класса исполняли всѣ дьячковскія и пономарскія обязанности въ своей домово́й церкви на виду у своихъ товарищей. Скажу болѣе: самъ я, бывший студентъ семинаріи, былъ псаломщикомъ, читалъ и пѣлъ во славу Божию, подавалъ кадило, даже звонилъ за отсутствіемъ церковнаго сторожа на колокольнѣ, цѣловалъ всегда руку іерея, былъ съ

нимъ въ самыхъ сердечныхъ отношеніяхъ; за то съ его благословенія поучалъ народъ и въ церкви и въ приходѣ, и въ школѣ занимался, и хоръ устроилъ изъ дѣвочекъ на своемъ клиросѣ, чѣмъ себя облегчилъ, а службу церковную украсилъ; хотя ходилъ всегда въ черномъ скротукѣ съ бѣлой сорочкой, но народомъ былъ любимъ, ибо училъ его.

Да простить меня читатель за откровенность, но не за похвальбу. Съ увлеченіемъ и благодарностію вспоминаю я и по сіе время мою дьячковскую службу, особенно умнаго и гуманнаго священника о. Ілію, который цѣнилъ, но не унижалъ меня. Кстати, припомню здѣсь одинъ характерный случай изъ своей дьячковской службы. На одномъ праздникѣ приходскомъ встрѣтился я съ однимъ старымъ священникомъ о. А. М—мъ, который, зная отличныя отношенія ко мнѣ моего настоятеля, желчно замѣтилъ мнѣ: „жаль, что ты не у меня служишь, а то я заставилъ бы тебя и кучеромъ быть и баню топить“. Несчастный старый дьячекъ, какъ я узналъ послѣ, дѣйствительно исполнялъ у сего пастыря и должность кучера и баннаго истопника. Оо. настоятели, подобные указанному, едва ли когда нибудь встрѣтятъ полное послушаніе въ псаломщикахъ-семинаристахъ. А вѣдь несомнѣнно и они будутъ говорить и писать о непослушаніи таковыхъ псаломщиковъ и своемъ нежеланіи имѣть ихъ у себя.

Нѣтъ, отцы и братья, умѣримте нашу сиѣсь іерейскую, взглянемте на псаломщиковъ-семинаристовъ иными глазами, будемте всячески привлекать ихъ въ ряды низшихъ клириковъ и, повѣрьте, худого тутъ ничего не будетъ. „Вѣдь бритвою тупой изрѣжешься скорѣй, а острою обрѣешься вѣрнѣй: умѣй владѣть лишь ею“. Да, хоть стыдно намъ признаться, а слѣдуетъ, что „съ умомъ людей боимся мы, и терпимъ при себѣ охотнѣй дураковъ“, терпимъ потому, что они ужъ очень услужливы и послушны, а сами мы не умѣемъ, не превыкли порядочно обходиться съ порядочными людьми.

Правда и въ семинаристахъ-псаломщикахъ встрѣчаются свои недочеты, но они легко устранимы. Церковно-богослужебныя знанія семинаристовъ болѣе книжнаго характера, знанія теоретическія: не достаетъ имъ практичности, умѣнья приложить свои знанія къ дѣлу, къ жизни. Отцы настоятели,

призванные самымъ положеніемъ своимъ другъ друга тяготы носить и тако законъ Христовъ исполнить, должны придти на помощь въ этомъ случаѣ псаломщикамъ-семинаристамъ, съ любовію, безъ ропота, терпѣливо и вѣжливо дѣлать имъ указанія, поясненія, постепенно вводя ихъ въ кругъ церковной жизни.

Церковности, говорятъ, маловато въ семинаристахъ. Зависитъ это отъ многихъ причинъ, быть можетъ, и отъ духа времени; но главнымъ образомъ оттого, что наши дѣти съ малолѣтства мало знакомятся нынѣ отъ своихъ отцовъ и матерей съ церковностію, чтеніемъ и пѣніемъ церковнымъ, уставомъ богослужебнымъ, ибо во многихъ духовныхъ семьяхъ современныхъ домашняя жизнь устрояется не по духовному укладу, а по свѣтскому, такъ что если семинаристы-псаломщики являются малоцерковными людьми, то въ этомъ повинны отчасти и мы сами—отцы ихъ. Наши духовныя училища и семинаріи при всемъ желаніи воспитать въ своихъ питомцахъ духъ церковности мало успѣваютъ въ этомъ, потому что дѣйствуютъ не примѣромъ и любовію, а болѣе приказами и инструкціями. Никогда не нужно ученику выкрикивать, что у него не достаетъ церковности, что онъ долженъ быть церковнымъ человѣкомъ, а нужно *воспитать его такovýmъ*. Пусть учащіеся духовныхъ школъ, увлеченные примѣромъ и любовію своихъ наставниковъ и воспитателей, полюбятъ свою школьную домашнюю церковь, принимаютъ участіе въ чтеніи и пѣніи, пономарятъ, даже прибираютъ церковь, или собственными руками украшаютъ ее въ дни великихъ праздниковъ и т. д. Пусть и наставники своимъ примѣромъ учатъ своихъ питомцевъ, что ничего нѣтъ унижительнаго въ томъ, если я подамъ священнику кадило, выйду съ подсвѣщникомъ, надѣну стихарь, или поцѣлую благословляющую руку священника... Къ сожалѣнію, этими примѣрами-то и не могутъ похвалиться наши дух. училища и семинаріи. Въ бытность мою ректоромъ семинаріи какъ-то разъ въ общемъ педагогическомъ собраніи правленія я говорилъ своимъ сослуживцамъ, что было бы хорошо для постановки учебно-воспитательнаго дѣла, если бы сами преподаватели по-возможности аккуратно являлись въ церковнымъ службамъ въ свою семинарскую церковь.

Но главное нужна для этого подготовка въ семейной жизни.

Одна школа, безъ участія семьи, никогда не создастъ въ своихъ питомцахъ духа церковности. И духъ сей не прививается путемъ инструкцій и приказовъ, а создается путемъ чисто воспитательныхъ мѣръ, и не въ школѣ главнымъ образомъ, а прежде всего дома, въ родномъ сельскомъ храмѣ. Мой родитель покойный, лишь только обучилъ меня чтенію, какъ тотчасъ же далъ мнѣ въ руки Часословъ, и семи лѣтъ отъ роду я читалъ уже въ своемъ родномъ сельскомъ храмѣ Шестопсалміе. Кромѣ клироса, я не зналъ другого мѣста въ храмѣ, пѣлъ своимъ молодымъ альтомъ вмѣстѣ съ родителемъ-псаломщикомъ церковныя пѣсни священныя, урывалъ и кадило раздуть и подать батюшкѣ, который былъ моимъ крестнымъ отцомъ, успѣвалъ и на колокольнѣ отзвонить, и во всемъ этомъ я не думалъ видѣть какого-то униженія, напротивъ, иной укладъ жизни, вѣроятно, показался бы въ ту пору страннымъ, не естественнымъ. Когда я былъ отданъ въ духовное училище, то въ приходскомъ храмѣ, гдѣ молились питомцы училища, я сразу сталъ своимъ человѣкомъ. Помню, утромъ сначала сбѣгаешь въ церковь къ утреннему богослуженію, а затѣмъ въ училище. Въ семинаріи во все время моего обученія въ ней я уже не покидалъ клироса семинарской церкви. Да и въ академіи частенько становился на клиросѣ поддержать теноровую партію. Клиросѣ сдѣлался для меня своего рода родной стихіей. Даже и теперь, въ санѣ епископа, становлюсь иногда на клиросѣ, особенно въ будніе дни. Такъ я сроднился съ нимъ. И этимъ обязанъ я прежде всего семьѣ: духовная школа лишь поддержала и развила то направленіе духовно-церковное, зерно коего заложено было по церковному укладу устроенной семьей клирика.

Вотъ куда, отцы іереи, недовольные псаломщикомъ-семинаристомъ, должны быть направлены наши заботы и усилія, чтобы семинаристы имѣли больше, чѣмъ теперь, духа церковности,—на собственную семью нашу, на поднятіе въ ней уклада духовно-церковной жизни, на борьбу и изгнаніе изъ нашей семьи духовной всего того, что вѣетъ духомъ свѣтскимъ, не церковнымъ, а иногда и прями антицерковнымъ. Выѣсто жалобъ и упрековъ по адресу современнаго семи-

нариста, мало пригоднаго яко-бы для отправленія должности псаломщика, постараетесь прежде всего, чтобы ваши дѣти уже поступали въ духовную школу съ достаточнымъ запасомъ церковности. Не бойтесь, школа не вытравитъ изъ вашихъ дѣтей привитого имъ въ семьѣ духа церковности. Я, напр., учился въ семинаріи въ семидесятыхъ годахъ, въ страшное время анархіи ума и воли, и однако ни Добролюбовы, ни Писаревы, ни Герцены, ни Чернышевскіе, не выгнали изъ молодого сердца той любви къ церкви и всему церковному, какая заложена была въ благочестивой семьѣ клирика.

Жалобы на негодность современныхъ семинаристовъ къ занятію ими дьячковскихъ должностей насъ тѣмъ болѣе удивляютъ, что эти же семинаристы, по суду тѣхъ же недовольныхъ отцовъ-іереевъ, являются вполне годными кандидатами на должности священниковъ.

Что касается жалобъ на неумѣнье семинаристовъ-псаломщиковъ пѣть и читать, то едва ли и эти жалобы всегда искренни и справедливы. При современной постановкѣ въ духовныхъ школахъ церковнаго пѣнія и ц.-славянскаго чтенія жалобы эти если не напрасны, то во всякомъ случаѣ преувеличены. Мы всегда умилялись чтеніемъ и особенно пѣніемъ семинаристовъ Казанской семинаріи. Пропедавшимъ В. постомъ намъ пришлось совершать литургію Преждеосвященныхъ Даровъ въ церкви Казанскаго мужскаго духовнаго училища и слышать здѣсь общее простое обиходное пѣніе всѣхъ учениковъ училища: оставалось только радоваться слыша. Въ прежнее время, напр., въ Е—скомъ духовномъ училищѣ, гдѣ я учился, обиходное пѣніе поставлено было совсѣмъ плохо, и если бы не домашняя подготовка, да не помощь пѣвца дяди-діакона, у котораго я жилъ, пришлось бы остаться пѣвчимъ плохого разбора. Нынѣ совсѣмъ не то. Современная духовная школа по части пѣнія и чтенія конечно далеко опередила прежнюю. Можетъ быть, не достаетъ въ чтеніи *выразительности*, преобладаетъ, особенно въ послѣднее время, монотонность старообрядческаго чтенія, которымъ, кажется, мы уже не въ мѣру увлеклись; но и это дѣло легко поправимое: нуженъ примѣръ, нужна инициатива. Намъ думается, что такъ называемое чтеніе разговорное, приближающееся къ декламациі, хотя

отчасти должно имѣть мѣсто и въ храмѣ Божиѣмъ. Не забудемъ, что святое Евангеліе почти все сполна изложено языкомъ разговорнымъ, діалогическимъ. Конечно, театральной декламации не можетъ быть мѣста въ церкви; но и полное отсутствіе ея въ чтеніи и церковномъ произношеніи тоже не можетъ быть заслугой съ нашей стороны. Всему есть мѣра. Удовлетворить этой сторонѣ церковнаго чтенія, т. е. выразительности, само собой скорѣе сможетъ получившій законченное среднее образованіе псаломщикъ-семинаристъ, чѣмъ полуграмотный дьячекъ стараго типа.

Если принять во вниманіе, что нынѣшняя семинарская программа церковнаго пѣнія вмѣстѣ съ искусствомъ послѣдняго даетъ семинаристу еще свѣдѣнія по теоріи музыки и гармонизации, то семинаристъ-псаломщикъ весьма легко можетъ устроить въ своей приходской церкви хоръ пѣвчихъ любителей и этимъ принести незамѣнимую пользу духовно-нравственной жизни прихода. И мы знаемъ много такихъ примѣровъ, особенно когда со стороны мѣстнаго батюшки юный псаломщикъ встрѣтитъ сочувствіе и содѣйствіе.

Выводъ изъ всего сказаннаго ясенъ: мы должны всѣми мѣрами привлекать окончившихъ курсъ духовныхъ семинарій на должности псаломщиковъ, какъ самыхъ годныхъ, полезныхъ и желательныхъ для сей службы людей.

Е. А.

БУДДИСТЫ ЛИ ВОТЯКИ?

(По поводу книги священника Н. Блинова „Языческой культъ вотяковъ“. Вятка, 1898 года ¹⁾).

Наша литература о вотякахъ недавно пополнилась новымъ изданіемъ священника Блинова „Языческой культъ вотяковъ“. Изданіе это, по существу, мало отвѣчающее своему

¹⁾ Предлагаемая статья была написана вскорѣ по появленіи въ свѣтъ книги о. Блинова, но по обстоятельствамъ осталась ненапечатанною до послѣдняго времени.

названію, содержитъ много интереснаго, новаго, доселѣ не бывшаго въ печати. Однако, въ немъ авторъ говоритъ о такихъ вещахъ относительно вѣры вотяковъ, о которыхъ еще и не снилось нашимъ этнографамъ. Объ одной такой новости, никому доселѣ неизвѣстной, но впервые о Блиновымъ сообщаемой, я сейчасъ и намѣренъ говорить.

Вѣра вотяковъ, какъ видно это изъ существующей о нихъ литературы, до послѣдняго времени разсматривалась этнографами, какъ вѣра самостоятельная и только одному вотскому племени принадлежащая. Попытокъ къ доказательству, что эта вѣра собственно заимствована у того или другого народа, еще не было. Но о. Блиновъ сдѣлалъ весьма смѣлый шагъ впередъ въ этой области: онъ доказываетъ, что религія вотяковъ—*буддійская* и современные вотяки не кто иные, какъ *полубуддисты, полухристиане*. „Мы предлагаемъ“, пишетъ онъ въ своей книгѣ: „новое освѣщеніе вотской религіи—буддизмъ и отводимъ ей мѣсто въ ряду извѣстныхъ религій міра. Признаніе вѣрности нашего мнѣнія въ высшей степени важно для всѣхъ трудящихся на пользу вотяковъ, потому что, зная источникъ темноты, окутывающей цѣлое племя, возможно съ большимъ успѣхомъ бороться съ язычествомъ этихъ инородцевъ“. Конечно, не безъ всякихъ основаній пришелъ о. Блиновъ къ такому заключенію о вѣрѣ вотяковъ; у него есть свои доводы, свои соображенія, на которыхъ и зиждется его заключеніе. Вотъ резюме его доводовъ.

Вотяки, составляя одинъ народъ вмѣстѣ съ зырянами, пермяками и другими соплеменными имъ инородцами, въ началѣ христіанской эры группировались около Алтая. Здѣсь, не менѣе полуторы тысячи лѣтъ тому назадъ, они приняли буддизмъ, не отрѣшившись вполне въ то же время и отъ своего язычества. Съ того времени Будда сталъ во главѣ всѣхъ вотскихъ божествъ. Вотякамъ онъ извѣстенъ подъ именемъ Булды. Будда—богъ боговъ вотяковъ. Если вотякъ, знающій свою вѣру, пожелаетъ правильно отвѣтить на вашъ вопросъ объ этомъ богѣ боговъ, то онъ, не задумываясь, скажетъ: „истинный, первый богъ—*Будда*, больше его нѣтъ бога“. Съ буддизмомъ, какъ ученіемъ, проникли къ вотякамъ и нѣкоторые религіозные обряды, напр.: *Будда вѣсь*—моленіе Буддѣ, имѣющее мѣсто среди вотяковъ юго-восточ-

ной части Елабужскаго уѣзда. Съ Буддою къ предкамъ вотяковъ несомнѣнно перешель и другой богъ, князь тьмы, противникъ Будды, „Мара“. Безъ этого бога буддизмъ не имѣеть никакого смысла. „Мара“ вошелъ въ союзъ съ первобытнымъ вотскимъ божествомъ „ин“ и образовалъ одного бога „Инмара“. „Ин“—небо, а небо у всѣхъ народовъ означало имя бога ¹⁾. Слѣдуетъ предполагать, что и у предковъ вотяковъ употреблялось вначалѣ только одно имя божества „ин“, а съ принятіемъ буддизма явился и „мара“.

О буддѣйскомъ происхожденіи вѣры вотяковъ свидѣтельствуютъ нѣкоторые религіозные обряды ихъ, которые, какъ и обряды сибирскихъ инородцевъ, религія которыхъ представляетъ собою смѣсь язычества съ буддизмомъ, сопровождаются одинаковыми церемоніями. О буддизмѣ же вотской вѣры свидѣтельствуютъ цвѣтистость выраженій и неумѣренность просьбъ въ молитвахъ вотяковъ. Они просятъ: „Инмарь, подай намъ серебра, чтобы у насъ чашки и ложки, столы и стулья, лавки и кровати были серебряныя! Дай золота и серебра и да будутъ у насъ серебряныя конюшни и чумы, клѣтки и самыя заборы“ и проч. По буддѣйской вѣрѣ считалось необходимымъ закланіе людей въ жертву. (?) И у вотяковъ существовалъ, а въ иныхъ мѣстахъ и теперь существуетъ, обычай человѣческаго жертвоприношенія“.

Вотъ тѣ доводы, которые легли въ основаніе вывода о. Блинова. Я постараюсь разсмотрѣть ихъ и показать, насколько они убѣдительны, и можно ли на основаніи ихъ вывести заключеніе, что вотяки дѣйствительно буддисты, а ихъ вѣра буддѣйская.

Прежде всего я позволю себѣ остановить вниманіе читателей на слѣдующей гипотезѣ о. Блинова. Онъ полагаетъ, что вотяки вмѣстѣ съ зырянами и пермяками въ началѣ

¹⁾ Слово *богъ* происходитъ отъ зендскаго слова *baghō* (баго), которое перешло въ персидское *بغ* (багъ) и славянское *богъ*. Вулледось. Персидско-латинскій словарь, т. I, 249 стр.

христіанской эры группировались около Алтая. На чемъ основана эта гипотеза,—намъ не извѣстно. Ни въ исторіи, ни въ литературѣ, ни въ преданіяхъ вотяковъ нѣтъ такихъ данныхъ, на основаніи которыхъ можно бы утверждать, что въ первые вѣка христіанства вотяки дѣйствительно пребывали въ окрестностяхъ Алтая. За неимѣніемъ данныхъ, свою гипотезу о Блиновѣ ничѣмъ не подтвердилъ; сказалъ, что тогда-то вотяки жили около Алтая,—и только. Подобная гипотеза, какъ ни на чѣмъ не основанная, не можетъ, конечно, претендовать на какое то ни было научное значеніе. Авторитетъ ея окончательно поколеблется, если я противопоставлю ей свою гипотезу, доказывающую, что финны, отъ которыхъ впоследствии образовались нѣсколько соплеменныхъ народностей, какъ то: вотяки, зыряне, пермяки и другіе еще за 500 лѣтъ до Р. Х. имѣли своей родиной Европу, а не Азію. Моя гипотеза не на песцѣ и не на вымыслахъ моей фантазіи основана; она находитъ себѣ поддержку и опору въ историческихъ показаніяхъ Геродота. Геродотъ, какъ пишетъ объ немъ г. Забѣлинъ въ своемъ капитальномъ сочиненіи „Исторія Русской жизни“, описалъ нашу страну за 450 лѣтъ до Р. Х. Онъ самъ тутъ странствовалъ, именно въ устьяхъ Днѣпра, Буга и Днѣстра; многое видѣлъ собственными глазами, еще больше собралъ разсказовъ и слуховъ. Свои записки онъ читалъ потомъ всенародно на Олимпійскихъ празднествахъ и приводилъ въ восторгъ древнихъ грековъ, которые еще тогда прозвали его отцомъ исторіи. Его разсказы дышутъ необыкновенною простотою и правдою ¹⁾. Южный край русской земли, по описанію Геродота, былъ населенъ народами, которые однимъ именемъ назывались—скиѳами. За рѣкою Дономъ, Талаксомъ по Геродоту, находилась уже не скиѳская земля, а первая страна отъ его устья была страна Савроматовъ, безлѣсная степь, которая простиралась къ сѣверу на 15 дней пути. Во второй странѣ, выше Савроматовъ, пишетъ Геродотъ, живутъ Вудины (*Βουδῖνοι*), народъ многолюдный съ свѣтлоглубыми глазами и съ рыжими волосами. Вудины туземцы въ этой странѣ, ведутъ кочевой образъ жизни. Страна ихъ изобилуетъ разно-

¹⁾ „Исторія Русской жизни“ Забѣлина. Стр. 231.

родными лѣсами ¹⁾. Какой же этотъ народъ Вудины? Существуетъ ли онъ и теперь, или исчезъ безъ остатка, какъ исчезли многія племена степныхъ кочевниковъ. Но это былъ народъ многолюдный, потому—онъ жилъ въ лѣсахъ; такіе народы не скоро исчезаютъ ²⁾. Въ той странѣ (центральное пространство и сѣверо-восточная часть черноземной полосы), гдѣ Геродотъ помѣщаетъ своихъ Вудиновъ, до сихъ поръ существуетъ одно изъ финскихъ племенъ—мордвы, а сѣвернѣе ихъ—вотяки, зыряне и пермяки. Предки послѣднихъ, надо полагать, въ эпоху Геродота жили въ той самой мѣстности, которую онъ описалъ. Основательность подобнаго мнѣнія видна изъ того, что вотяки (конечно, и пермяки и зыряне) болѣе всѣхъ подходятъ къ описанію Геродота. Объ этомъ свидѣтельствуетъ и описанная Геродотомъ ихъ наружность: рыжіе волоса, голубые глаза. Вотяковъ съ рыжими волосами и теперь множество, а глаза, можно сказать, чуть ли ни у всего вотскаго племени свѣтло-голубые или свѣтло-сѣрые. Корень самаго названія Вудины до сихъ поръ сохранился у вотяковъ, которые сами себя называютъ Уд-морт или Удморт, что значитъ—люди изъ племени Удовъ (мурт или морт—человѣкъ). Имя Вудины звучитъ также въ названіяхъ двухъ вотскихъ деревень въ Малмыжскомъ уѣздѣ Вят. губ.: Уд-гуртъ и Удугучинь. Уд-гуртъ значитъ деревня Удовъ, Уду-гучинь—мѣсто, бывшее подъ деревней Удовъ (гучинь—мѣсто, бывшее когда-то подъ селеніемъ).

Для новаго подтвержденія, что дальные предки вотяковъ дѣйствительно жили въ описанной Геродотомъ мѣстности, что они никто иные, какъ бывшіе Вудины, необходимо замѣтить еще слѣдующее. Вотяки въ былое время составляли вмѣстѣ съ зырянами и пермяками одинъ народъ. Это видно изъ того, что по языку они и теперь отличаются другъ отъ друга только такъ, какъ, напр., малороссы отъ великороссовъ, или мордва-мокша отъ мордвы-эрзи. У нихъ издревле существовалъ такой обычай: когда они переселялись на новыя мѣста, то новымъ своимъ селеніемъ и рѣчкамъ почти

¹⁾ Геродотъ. Исторія въ девяти книгахъ. Переводъ съ греческаго Ѳ. Г. Мищенко. Стр. 344 и 345.

²⁾ „Исторія Русской жизни“. Забѣлина стр. 231.

всегда давали названія своихъ старыхъ селеній и рѣчекъ. Такъ, напримѣръ, когда вятскіе вотяки, не желая быть крещеными, убѣжали отъ русскихъ къ башкирамъ въ Осинскій уѣздъ Пермской губ. и въ Бирскій—Уфимской, то многимъ своимъ деревнямъ дали названія старыхъ вятскихъ селеній: Можга, Гондырь и т. п. Не держались ли этого обычая вотяки, зыряне и пермяки и тогда, когда они изъ мѣстности, описанной Геродотомъ, переселились на сѣверъ? Да, можно полагать, держались. Сравнивая рѣки пермяковъ, зырянъ и вотяковъ съ рѣками центрального пространства и сѣверо-восточной части черноземной полосы, мы встрѣчаемъ въ этихъ мѣстностяхъ рѣки съ одними и тѣми же названіями: Напримѣръ: 1) *Уча*—притокъ Клязьмы. *Уча*—въ Мамалышскомъ уѣздѣ Казанской губерніи. Три деревни по этой рѣчкѣ называются тоже *Уча*. Такое же названіе носитъ одна деревня въ Малмыжскомъ уѣздѣ Вятской губерніи. 2) *Болва*—притокъ Десны. *Вильва* или *Вельва* двѣ рѣчки въ пермскомъ краю. 3) *Нарма*—притокъ Оки. *Нырма*—рѣчка и деревня въ Мамалышскомъ уѣздѣ Казанской губерніи. (Нынѣ тамъ живутъ татары, а прежде жили вотяки). *Нырма*—селеніе въ зырянскомъ краю. 4) *Луза* притокъ Луза—притокъ рѣки Юга (Сѣверной Двины) въ Зырянскомъ краю. *Лоза*—притокъ р. Чепцы въ Вятской губерніи. *Луза*—названіе двухъ вятскихъ селеній въ Казанскомъ уѣздѣ и губерніи и одной русской деревни въ Вятской губерніи (въ этой послѣдней жили тоже вотяки, но были вытѣснены отсюда русскими). Кромѣ указанныхъ рѣкъ есть еще въ центральномъ пространствѣ и другія рѣки, которыя хотя и не встрѣчаются въ зырянско-вотско-пермяцкомъ краю, но тѣмъ не менѣе носятъ чисто зырянскія, пермяцкія или вотяцкія названія. У зырянъ, пермяковъ и вотяковъ почти всѣ названія рѣкъ кончаются на *ма* или *ва*. Напримѣръ: у зырянъ—*Кол-ва*, *Ир-ва*, *Пиж-ма*; у пермяковъ—*Ин-ва*, *Юсь-ва*, *Вильва*; у вотяковъ—*Си-ва*, *Лек-ма*, *То-тма*, *Ныр-ма*—и др. Такія же окончанія имѣютъ названія почти всѣхъ рѣкъ и центрального пространства: *Моск-ва*, *Прот-ва*, *Бол-ва*, *Вѣть-ма*, *Непряд-ва*, *Клязь-ма*, *Нар-ма*. Къ сожалѣнію, всѣ эти названія искажены до неузнаваемости, такъ что опредѣлить, что именно они означаютъ, совсемъ невозможно. Только слово *Москва* осталось почти безъ измѣненія; оно состоитъ изъ двухъ словъ: *мѡск* и *ва*, что значитъ по зырянски—

коровья вода. Изъ сказаннаго о Вудинахъ и вотякахъ, а также изъ сходства названій вотскихъ рѣкъ съ рѣками той территоріи, которую когда-то населяли Вудины, я, не далѣкъ отъ того предположенія, что вотяки потомки Вудиновъ. Вудины, предки вотяковъ, были извѣстны еще лѣтъ за 500 до Р. Х. Живя въ Европѣ, они не могли, конечно, принять буддизма, который за нѣсколько столѣтій до Р. Х. былъ распространенъ только въ Азіи. Отсюда ясно, что буддизмъ не принятъ и вотяками, которые въ эпоху распространенія этой вѣры обитали уже въ Европѣ.

Я уже имѣлъ случай замѣтить, что вотяки, зыряне и пермяки когда-то *составляли одинъ народъ*. Справедливость этого вывода не подлежить сомнѣнію: „Языки вотскій, зырянскій и пермяцкій очень сходны между собою, и при томъ это сходство замѣчается не въ корняхъ только, но въ самомъ грамматическомъ строѣ—ихъ. Если такое близкое сходство замѣчается теперь, то нѣсколько столѣтій назадъ это сходство или сродство было еще ближе, такъ что вотякъ долженъ былъ свободно понимать зырянина и пермяка и, наоборотъ, зыряне и пермяки—вотяковъ“¹⁾.

Вслѣдствіе этого съ полнымъ основаніемъ можно предполагать, что лѣтъ полторы тысячи тому назадъ эти инородцы, какъ по языку, такъ по жизни, совсѣмъ не отличались другъ отъ друга: жили совмѣстно, содержали одну и ту же вѣру, исполняли одни и тѣ же обычаи²⁾. О. Блиновъ вполне раздѣляетъ мое мнѣніе о томъ, что названные инородцы когда-то составляли одинъ народъ; онъ даже указываетъ, хотя и безъ всякаго основанія, и самое мѣсто ихъ первоначальной родины; это—возвышенности около Алтая. Признаніе о. Блиновымъ справедливости моего мнѣнія для меня весьма важно въ томъ отношеніи, что я отчасти этимъ самымъ его признаніемъ вооружаюсь противъ него. Такъ, напр., онъ пишетъ, что вотяки лѣтъ полторы тысячи тому

¹⁾ Островскій, Вотяки Казанской губерніи.

²⁾ Профессоръ И. Смирновъ въ своей книгѣ «Пермяки» пишетъ: „Было время, когда пермяки и вотяки исповѣдывали одну и ту же религію“. Стр. 250.

назадъ, еще въ Азіи, живя около Алтая, приняли буддизмъ; а о пермякахъ и зырянахъ, которые по его же словамъ составляли тогда одинъ народъ съ вотяками, умалчиваетъ. Если вотяки приняли буддизмъ и Будда сталъ во главѣ всѣхъ вотскихъ божествъ, то надо думать, что такая же важная перемѣна въ религіи произошла и у зырянъ и пермяковъ, составлявшихъ одинъ народъ съ вотяками и жившихъ, вѣроятно, бокъ-о-бокъ или совмѣстно съ ними. Предполагать, что буддійскую вѣру приняла только часть финскаго племени—вотяки, а не все племя—и зыряне и пермяки, нѣтъ основанія, тѣмъ болѣе, что по словамъ самого о. Блинова, буддизмъ перешелъ, хотя въ искаженномъ видѣ, ко всѣмъ инородцамъ Сибири и средней Азіи. Тогда какимъ же чудомъ спаслась горсть финновъ отъ принятія буддизма, когда всѣ инородцы, ихъ окружающіе, приняли его? По моему мнѣнію, надо признать одно изъ двухъ: либо всѣ финны, обитавшіе около Алтая, приняли буддизмъ, либо всѣ не приняли. Если держаться одного изъ двухъ приведенныхъ положеній, то мы естественно придемъ къ такому заключенію: если вотяки буддисты, то и зыряне и пермяки, сородичи вотяковъ по вѣрѣ и языку, должны быть буддистами, и наоборотъ: если зыряне и пермяки не были буддистами, не были таковыми и вотяки.

Вполнѣ разъяснить этотъ вопросъ возможно, конечно, только разсмотрѣніемъ языка и религиозныхъ обрядовъ упомянутыхъ инородцевъ. Только языкъ и обряды могутъ навести насъ на тотъ путь, по которому мы можемъ придти къ правильному и безпристрастному рѣшенію этого вопроса. Если въ языкѣ и обрядахъ найдутся данныя о буддизмѣ, тогда рѣшеніе вопроса: буддисты ли вотяки? не представитъ особыхъ затрудненій. Но насколько мнѣ извѣстно, въ языкѣ и обычаяхъ зырянъ и пермяковъ нѣтъ никакихъ данныхъ, на основаніи которыхъ можно бы констатировать слѣды буддизма въ ихъ религіи. Отсутствіе всякихъ данныхъ въ пользу буддизма приводитъ меня къ тому весьма правдоподобному выводу, что вѣра зырянъ и пермяковъ никогда не была буддійскою. А если зыряне и пермяки не были буддистами, то отсюда ясно, не были таковыми и вотяки. При этомъ могутъ мнѣ возразить, что зыряне и пермяки болѣе 500 л. тому назадъ приняла христіанство и стали удаляться отъ

своей языческой вѣры, такъ что слѣды буддизма въ ихъ религіи уже успѣли совсѣмъ сгладиться. Такое возраженіе будетъ совсѣмъ неосновательно. Будда, по словамъ о. Блинова, сталъ главою всѣхъ вотскихъ божествъ и, слѣдовательно, и зырянскихъ и пермяцкихъ. Слѣдовательно онъ былъ всѣми почитаемъ, всѣми извѣстенъ. Забыть такого великаго бога, хотя бы и въ нѣсколько столѣтій, невозможно; забыть его—значить забыть всѣхъ своихъ боговъ. Если не моленія, устраиваемыя въ честь этого бога боговъ, то по крайней мѣрѣ одно названіе его должно бы сохраниться, какъ сохранились, напримѣръ, общее названіе божествъ у зырянъ и пермяковъ Ен, у вотяковъ—Инмар. Но мы и этого не находимъ.—Обратимся теперь къ однимъ вотякамъ. Христианство среди нихъ начало распространяться только въ первой половинѣ XVII столѣтія. Многіе вотяки (около 20 тысячъ) и до сихъ поръ остаются некрещеными и исполняютъ множество языческихъ обычаевъ и обрядовъ. Быть можетъ, въ языкѣ и обычаяхъ вотяковъ выводъ о. Блинова найдетъ себѣ поддержку? Нѣтъ, къ сожалѣнію. И въ ихъ языкѣ и обычаяхъ, какъ и у зырянъ и пермяковъ, нѣтъ никакихъ данныхъ относительно буддизма. Если же, какъ говорить о. Блиновъ, религиозные обряды вотяковъ и сибирскихъ инородцевъ, религія которыхъ представляетъ собою смѣсь язычества съ буддизмомъ, сопровождаются однородными церемоніями, то это еще не доказательство, что вотяки—буддисты. Сходныя черты въ обычаяхъ должны встрѣчаться у многихъ народовъ, даже у такихъ, которые никогда не имѣли никакого взаимообщенія. Объясняется это тѣмъ, что народы, находящіеся на низкой ступени культурнаго развитія, живущіе въ лѣсахъ, обоготворяющіе силы природы, вырабатываютъ болѣе или менѣе тождественныя міровоззрѣнія, создаютъ однородные обычаи. Такъ, напримѣръ, мы знаемъ, что всѣ народы, почитающіе, какъ боговъ, стихіи природы, любятъ умилостивлять своихъ боговъ кровавыми жертвами, которыя нерѣдко сопровождаются или заканчиваются пляскою и пѣніемъ пѣсень. Всѣ они любятъ молиться въ лѣсу, подъ какимъ-нибудь деревомъ. У всѣхъ у нихъ встрѣчаются волхвы, или шаманы-прорицатели. Въ силу сказаннаго нѣкоторое сходство въ обычаяхъ должно встрѣчаться и у вотяковъ и сибирскихъ инородцевъ, но это ни-

сколько не показываетъ, что вотяки-буддисты. Недавно я составлялъ описаніе похоронныхъ обычаевъ казанскихъ вотяковъ. Ужь кончилъ было я свое описаніе, какъ вдругъ попадаетъ мнѣ подъ руку книга „Тайны загробной жизни“, въ концѣ которой приведены языческія вѣрованія русскаго народа за гробомъ, а также описаны нѣкоторыя погребальныя обычаи, сохранившіеся, какъ надо думать, отъ славянъ. Читая эти вѣрованія и обычаи и сравнивая ихъ съ вотяцкими, я нашелъ нѣсколько сходныхъ чертъ. Теперь: можно ли только на основаніи такого сходства утверждать, что вотяки никто иные, какъ бывшіе славяне? Разумѣется нѣтъ. Итакъ, выводъ о. Блинова, сдѣланный на основаніи сходства въ обычаяхъ, не выдерживаетъ критики.

Ниже всякой критики и другой его выводъ, который онъ дѣлаетъ, ссылаясь на моленіе вотяковъ „Булда вѣсь“. Булда, говоритъ о. Блиновъ, есть ничто иное, какъ Будда. Но такъ какъ слова эти звучатъ различно, то, чтобы убѣдить читателей, что оба они одного и того же корня и имѣютъ одно и то же значеніе, онъ придумалъ особый законъ для вотскаго языка, по которому въ вотяцкихъ словахъ, при сдвоеніи согласныхъ *д* и *т*, одна изъ нихъ переходитъ въ *л*: аттай—алтай, будда—булда. Подобнаго закона въ вотскомъ языкѣ, конечно, не существуетъ. Если бы онъ и существовалъ, о. Блинову надо подтвердить его приведеніемъ хотя бы нѣсколькихъ общеизвѣстныхъ словъ, а не ограничиться только двумя словами, которыя сами по себѣ нуждаются въ доказательствахъ. Но что жъ такое „Булда“ или „Булда вѣсь“? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ и разъяснить его въ надлежащемъ свѣтѣ, я долженъ сообщить предварительно слѣдующее.

Кто знакомъ съ вотяками всѣхъ занимаемыхъ ими мѣстностей и имѣетъ хотя бы общее понятіе о совершаемыхъ ими языческихъ моленіяхъ, тотъ знаетъ, конечно, что во многихъ мѣстностяхъ совершаются *мѣстныя моленія*, которыя у вотяковъ другихъ мѣстностей совсѣмъ не существуютъ¹⁾. Моленія эти носятъ названія или своихъ основателей, или

¹⁾ Мѣстныя моленія по существу другъ отъ друга не отличаются; отличаются они только въ деталяхъ и названіяхъ.

деревни, вотягами которой совершаются, или рѣки, или же извѣстной территоріи, занимаемой вотскимъ населеніемъ. Такъ, напримѣръ, у казанскихъ вотяковъ въ Казанскомъ уѣздѣ есть моленіе *Лѳзя вѳсь*; такъ называется оно по имени деревни Лѳзя (Лызи). У вотяковъ Мамадышскаго уѣзда существуетъ моленіе „*Выр был курьськон*“. Курьськонъ значитъ прошеніе или моленіе; выл—мѣстность, территорія; Выр—названіе этой территоріи. У тѣхъ же вотяковъ есть еще моленіе „*Султон курьськон*“, такъ названное по имени своего основателя—вотьяка Султона ¹⁾. Пермскіе вотяки на

¹⁾ По поводу этого моленія (оно существуетъ и у вотяковъ Елабуж. уѣзда) считаю необходимымъ замѣтить, что о. Блиновъ глубоко заблуждается, утверждая, что «богъ Султанъ вывезенъ вотяками изъ Азіи». У вотяковъ никакого бога—Султана нѣтъ, есть только моленіе, носящее имя Султона. Что это моленіе, дѣйствительно основано вотякомъ, въ этомъ всякій можетъ убѣдиться изъ ближайшаго знакомства съ нимъ. Такъ, напр., Казанскіе вотяки молятся, на этомъ моленіи сначала обращаясь лицомъ къ югу, *Инамару*, а потомъ, обращаясь къ сѣверу, поминають Султона, какъ покойника. Послѣ молитвы пьютъ медъ, разбавленный съ горячей водой; при чемъ пьющій становится на колѣни предъ деревомъ, подъ которымъ молились, или же предъ жрепомъ, подающимъ медъ, и пѣтъ, произнося предварительно слова: „Султон бабаез буре ваиськом“=дѣдушку Султона поминаемъ (а не молимся). Вотяки, которыхъ звали Султономъ, несомнѣнно были. Недавно въ д. Верхнемъ Куморѣ Мамадышскаго уѣзда Каз. губ. померъ вотякъ, который носилъ имя „Султона“. Султон, надо думать, чисто вотское слово. Вотяки, если желаютъ запечатлѣть въ памяти время рожденія, то новорожденному или новорожденной даютъ имя (татарское или вотское—все равно), въ которомъ такъ или иначе характеризуется это время. Напр., если кто родится во время пашни, его называютъ *Герей* (происходитъ отъ геры =соха); родится во время жатвы—даютъ имя *Уракъ* (уракъ =серпъ), родится дѣвочка въ началѣ лѣта ее именуютъ *Сясъкабей* (сяська =цвѣтокъ) или *Узыбей* (узы =клубника). Султономъ названъ тотъ, кто родился во время вставанія съ постели, утромъ,—мурт *султон* дѣръя; султон буквально значитъ вставаніе. Если же это слово заимствовано отъ какого-либо другого

берегу рѣки „Буй“—Бўэ по-вотски—справляютъ моленіе и по-имени рѣки называютъ его „Бўе дюкъ (дюкъ=лукъ), буквально—буйская каша. Существуетъ мѣстное моленіе въ южной части Елабужскаго уѣзда Вятской губ., которое и послужило предметомъ заблужденія о. Блинова. Моленіе это по имени своего основателя называется „Булда вѣсь“, по русски: моленіе Будды. Что это моленіе дѣйствительное основано вотякомъ Буддой, надо рѣшить вопросъ: существовалъ ли когда-нибудь вотякъ съ такимъ именемъ? Да, существовалъ. Въ спискѣ вотскихъ языческихъ именъ, изъ переписной книги 1676 г., приложенномъ г. Смирновымъ къ его книгѣ „Вотяки“, между прочимъ есть имя Буддя—(ковъ), которое несомнѣнное есть переименованное имя Будда. Затѣмъ въ Казанской губерніи есть одна вотская деревня „Балды-кня“, названіе которой искажено русскими отъ „Булда-кня“. (Деревня Кня, основанная Буддой) ¹⁾. По по-

народа, то оно ни въ какомъ случаѣ не должно произноситься „Султанъ“, какъ пишетъ о. Блиновъ, а непременно *Султон*, потому что по свойству вотскаго языка почти всѣ заимствованныя отъ другихъ языковъ слова въ послѣднемъ (а иногда и въ предпослѣднемъ слогѣ) измѣняютъ звукъ *а* въ *о*. Напр.:

по-вотски:	по-татарски:	по-русски:
олошо	алаша	меринъ.
сугон	суган	лукъ.
бугол—	быгау—	оковы.
букро—	бакра—	
уко	ука	позументъ
сутоно	=	сатана.
турто—	тѣртѣ—	оглобли.
уробо—	арба—	телѣга.
улмо—	алма—	яблоко
кусо—	—	коса
уксъо	акча	деньга.

Конечно, есть нѣкоторыя отступленія отъ этого правила; но эти отступленія объясняются всѣмъ извѣстной поговоркой: нѣтъ правила безъ исключенія.

¹⁾ Ср. также фамилію *Булдаковъ*, встрѣчающихся среди вотяковъ Вятской губерніи.

воду возникновенія моленія „Булда вѣсь“ самъ о. Блиновъ пишетъ со словъ вотяковъ слѣдующее. „Лѣтъ полтора ста тому назадъ одинъ вотякъ заблудился на охотѣ и долженъ былъ ночевать въ глухомъ лѣсу. Подъ утро онъ увидѣлъ во снѣ сѣдого, величественнаго старца, который сказалъ, что на этомъ мѣстѣ нужно устроить мольбище и приносить жертвы черезъ три года; при чемъ старецъ прибавилъ: „я страшный богъ“¹⁾). Послѣ того черезъ годъ и устроено мольбище въ лѣсу, нынѣ г. Ушкова, и аккуратно черезъ три года происходятъ моленія. Они называются „Булда“, будто бы по имени вотяка изъ деревни Юмья, видѣвшаго этотъ сонъ. Потомки его до настоящаго времени сохраняютъ старшинство надъ этимъ мольбищемъ, старшій изъ этого рода главный жрецъ. Деревня Старая Юмья... одно изъ наиболѣе старыхъ поселеній вотяковъ въ Елабужскомъ уѣздѣ, пришедшихъ сюда болѣе 200 лѣтъ назадъ, какъ увѣряютъ, изъ нынѣшней Казанской губерніи“. Приведенному разсказу вотяковъ о. Блиновъ, какъ видно изъ его словъ будто бы, почему-то полнаго довѣрія не питаетъ, но предпочитаетъ строить гипотезу на заключеніяхъ своей фантазіи. Подобными показаніями ивородцевъ вообще, замѣчу кстати, никогда не слѣдуетъ игнорировать; иногда одного такого показанія достаточно бываетъ, чтобъ освѣтить предметъ, насъ интересующій. Вотъ хоть бы приведенный разсказъ: онъ ясно освѣщаетъ намъ, что за моленіе „Булда вѣсь“, къмъ оно основано и почему такъ называется. Ясно обнаруживаетъ этотъ разсказъ и заблужденіе о. Блинова, такъ какъ показываетъ,

1) Интересно бы знать, кто это прибавилъ: „я страшный богъ“, старецъ, явившійся вотяку, или о. Блиновъ отъ себя. Последнее, пожалуй, будетъ ближе къ истинѣ. Сообщенію, что вотякъ во снѣ получилъ повелѣніе устроить мольбище, можно вполне вѣрить, потому что подобные разсказы вотяковъ приходится слышать во многихъ мѣстахъ и отъ многихъ. Но чтобъ явившійся былъ—богъ, то это сушая неправда: въ народной словесности вотяковъ нѣтъ такихъ разсказовъ или легендъ, въ которыхъ бы говорилось о явленіи имъ боговъ. Судя по ихъ разсказамъ, вотякамъ являются и научаютъ ихъ гдѣ и какъ молиться покойникамъ и кылчинамъ (ангелы).

что онъ принялъ за Будду—вотяка Булду, и называется жертвоприношеніемъ Буддѣ—моленіе, основанное этимъ вотякомъ.

Теперь намъ ясно, что за моленіе „Булда вѡсь“; это—мѣстное моленіе, справляемое вотяками только юго-восточной части Елабужскаго уѣзда и у вотяковъ другихъ мѣстностей совсѣмъ не встрѣчающееся. При томъ это моленіе, возникшее въ позднѣйшее время, а не старинное. Если бъ оно существовало у вотяковъ съ незапамятныхъ временъ и было бы, какъ увѣряетъ о. Блиновъ, буддійскаго происхожденія и вотяки молятся на немъ богу своему „Буддѣ“ (!), то оно, это важнѣйшее моленіе, должно бы быть у всѣхъ вотяковъ, какъ существуютъ напр. повсемѣстно моленія *Ју кылчиню*, *Му кылчиню* и *Инмару*. Должно бы быть это моленіе и у вотяковъ Пермской и Уфимской губерніи, которые до сихъ поръ остаются язычниками и, слѣдовательно, болѣе другихъ сохранили свой языческій культъ. Должно бы существовать оно и въ селеніи Юмья Казанской губерніи, откуда выселились юмьинскіе вотяки Елабужскаго уѣзда. Авторъ настоящей замѣтки изъ Казанской губерніи и какъ разъ изъ того селенія, откуда вотяки дѣйствительно переселились въ Елабужскій уѣздъ; но о существованіи такого моленія на своей родинѣ онъ никогда и ни отъ кого не слыхалъ. Не слыхалъ онъ объ немъ, кромѣ Елабужскаго уѣзда, и въ другихъ вотскихъ мѣстностяхъ, хотя во всѣхъ изъ нихъ побывалъ. А потому онъ еще разъ замѣчаетъ, что о. Блиновъ глубоко заблуждается называя вотяка Булду—Буддой, Булда вѡсь—жертвоприношеніемъ Буддѣ, а вотяковъ—буддистами.

Если у вотяковъ нѣтъ божества Будды—Будды, то отсюда безъ всякихъ объясненій понятно, что нѣтъ у нихъ и другого божества—„Мара“, князя тьмы и противника Будды (Будды). Но что же это за слово или божество *Инмар*, которое до сихъ поръ служитъ камнемъ преткновенія и предметомъ всевозможныхъ толкованій этнографовъ? О. Верещагинъ, напримѣръ, пишетъ, что это слово составное и состоитъ изъ двухъ словъ: *ин* и *мар*, что означаютъ въ переводѣ на русскій языкъ—*небо-что*. Г. Смирновъ называетъ такое объясненіе „безсмысленной композиціей“ и сомнѣвается въ томъ, чтобы вотякъ могъ сочинить для неба „неуклюжую смѣсь вопросительнаго мѣстоимѣнія съ назва-

ніемъ предмета“, а самъ сочиняетъ другое объясненіе: *инмурт*, что значитъ по русски—*небсннй челоувѣкъ*. О. Блиновъ объясненіе г. Смирнова находитъ „рискованнымъ“ и предлагаетъ такое объясненіе, при которомъ вотское слово „Инмар“ будто бы получаетъ смыслъ и надлежащее значеніе. По его объясненію „мар“ есть божество Мара, противникъ Будды. „Онъ вошелъ въ союзъ съ первобытнымъ вотскимъ божествомъ „ин“ и образовалъ одного бога „Инмар“. Я позволяю себѣ не согласиться ни съ г. Смирновымъ, ни съ о. Блиновымъ: оба они неправы въ своихъ толкованіяхъ, оба слишкомъ далеко уклонились отъ истины. Не уклонился отъ нея, хотя и не приблизился, только о. Верещагинъ. При соединяясь къ послѣднему, я утверждаю, что Инмар въ переводѣ на русскій языкъ означаетъ *небо—что*. Не надо думать, что подобное сочетаніе словъ, т. е. прибавленіе мѣстоименія „мар“ (=что) къ имени существительному „ин“ (=небо) не имѣетъ никакого смысла. Ближайшее знакомство съ грамматикой вотскаго языка доказываетъ намъ, что мѣстоименіе „мар“ употребляется у вотяковъ не только въ одномъ вопросительномъ смыслѣ, но и въ значеніи обобщающей и дополняющей частицы, которая ставится послѣ именъ существительныхъ въ смыслѣ русскихъ выраженій; и такъ далѣе, и прочее, и тому подобное, какой-то, какой-либо и т. п. Напримѣръ вотяки говорятъ:

1) *Турым-мар* басытд-ке, ѣчесэ басыты=если будешь покупать сѣно и т. п., покупай хорошаго. *турым мар*=сѣно-что (буквально).

2) *Жугиськон-мар* потѣз-ке, бизь но кошки = если выйдетъ драка или что-нибудь въ этомъ родѣ, то ты убѣги; *Жугиськон—мар*=драка-что.

3) *Чача-мар* палаз-ке, висѣд по кулод = если пристанетъ оспа (=заразишься оспой), захвораетъ и умрешь. *Чача-мар*=оспа-что.

4) *Мурт* лыктзй-ке, корка эн пырты=если придетъ кто-либо посторонній (человѣкъ), то не впускай его въ домъ; *мурт-мар*=человѣкъ-что (кто).

Аналогичное употребленіе вопросительнаго мѣстоименія „что“ мы встрѣчаемъ и въ языкахъ татарскомъ и чувашскомъ. Относительно послѣдняго можно найти указанія въ „Матеріалахъ для изслѣдованія чувашскаго языка“ Н. И. Ашмарина.

Принимая во вниманіе вышеупомянутое употребленіе слова „мар“, я не далеко буду отъ истины, если приду къ заключенію, что названіе высшаго вотскаго божества „Инмар“, есть слово сложное, составные элементы котораго легко находимы въ современномъ вотскомъ языкѣ. Названіе это составлено изъ двухъ словъ: „ин“ (=небо) и „мар“ (=что). Слово Инмар первоначально обозначало: небо и прочее, т. е. небо и все то, что къ нему относится; или: небо и то смутно представлявшееся вотяку божество, которое, по его мнѣнію, тамъ, на небѣ, обитало ¹⁾. Съ теченіемъ времени слово „Инмар“ стало употребляться въ смыслѣ нарицательнаго существительнаго „богъ“ и прилагалось къ нѣсколькимъ божествамъ: Быдым инмар=Старшій или Великій богъ; Аляе инмар=богъ ябеды (богъ, охраняющій насъ отъ ябеды, объясняютъ вотяки); Лул сѣтысь инмарь=богъ—податель души и т. п.

Въ послѣднее же время подъ вліяніемъ христіанства, частію и магометанства, у вотяковъ сложилось понятіе объ Единомъ Богѣ, Котораго они называли тоже „Инмаром“, такъ какъ „инмар“, какъ замѣчено было выше, означало имя бога вообще. Понятіе объ Единомъ Инмарѣ мало-по-малу вытѣснило всѣ другія понятія объ языческихъ инмарахъ, хотя имена ихъ и упоминаются въ вотскихъ молитвахъ. Вотъ почему современные вотяки ровно ничего не знаютъ о своихъ языческихъ божествахъ; вотъ почему на обличенія миссіонеровъ: „вы, вотяки, молитесь не Единому и Истинному Богу, а киремети, луду“ и т. п., вотяки нерѣдко отвѣчаютъ: „нѣтъ, мы молимся Тому же Богу, Которому вы, русскіе, молитесь въ церкви, татары—въ мечети, а мы въ лудѣ и куалѣ; Богъ Одинъ, только вѣра разная“.

Такимъ образомъ мы видимъ, что у вотяковъ нѣтъ никакого божества „Будды“ и противника его „Мара“, составившаго будто бы съ „ин“ одного божества „Инмар“. Инмар

¹⁾ И славяне, когда приняли христіанство отъ грековъ, новаго, доселѣ невѣдомаго имъ Божества стали называть Богомъ, т. е. такимъ словомъ, которое, какъ и вотское „инмар“, до этого времени употреблялось только въ смыслѣ несобственнаго существительнаго *богъ*.

значитъ Богъ. Изъ сказаннаго легко понять, что не существуетъ у нихъ и человѣческихъ жертвъ, приносимыхъ яко бы Буддѣ. Подобное утверженіе о. Блинова (что жертвы человѣческія дѣйствительно Буддѣ приносятся, а не какому-нибудь иному божеству) ни на чемъ не основано, фактическихъ свидѣтельствъ къ тому не имѣется. Я лично тоже интересуюсь вопросомъ о человѣческихъ жертвоприношеніяхъ вотяковъ и во время своей поѣздки по вотскимъ селеніямъ всегда стараюсь узнать что-либо по этому вопросу. Въ тѣхъ свѣдѣніяхъ, которыя имѣются въ настоящее время въ моемъ распоряженіи, о закланіи людей Буддѣ ни слова не говорится; въ нихъ сквозитъ скорѣе другая истина, утверждающая, что люди рѣжутся вотяками иныхъ мѣстностей для добыванія клада. Вотъ, на примѣръ, рассказъ, записанный мною со словъ одного вотскаго старика въ д. Большой Дзильѣ Сарапульскаго уѣзда. „Въ окрестностяхъ д. Нырошура въ былое время кто-то зарылъ кладъ и, зарывая его, сказалъ: „кто принесетъ сюда сто человѣческихъ жертвъ, тому пусть достанутся мои деньги“¹⁾. Узнали нырошурскіе вотяки объ этомъ кладѣ, а также о тѣхъ жертвахъ, которыя они должны принести, чтобъ добыть его, и стали съ того времени рѣзать людей. Всякій разъ, какъ только они зарѣжутъ кого-нибудь, изъ земли показывается громадный сундукъ съ деньгами, покажется и опять скроется въ землю; и чѣмъ больше рѣжутъ людей, говорятъ, тѣмъ выше и выше поднимается сундукъ; когда же опредѣленное количество человѣческихъ жертвъ будетъ принесено, тогда онъ совсѣмъ выступитъ изъ земли и болѣе не скроется туда“.

Мнѣ осталось высказаться еще относительно одной вотской молитвы, приведенной о. Блиновымъ въ его книгѣ. Онъ пишетъ, что цвѣтистость выраженій и неумѣренность просьбъ въ молитвахъ вотяковъ свидѣлствуютъ о восточномъ происхожденіи этихъ молитвъ. Они просятъ: Ивмарь! подай намъ серебра, чтобъ у насъ чашки и ложки, столы и стулья, лавки и кровати были серебряные. Дай золота и

¹⁾ По другой вариации зарыватель клада будто бы сказалъ: «кто наполнитъ подполье человѣческими черепами, тому пусть достанутся мои деньги».

серебра и да будутъ у насъ серебряныя конюшни и чумы, клѣти и самыя заборы и проч. Всякій, кто знакомъ съ духомъ и содержаніемъ вотскихъ молитвъ, скажетъ, что эта молитва не вотяцкая, что она скорѣе измышлена самимъ о. Блиновымъ. Мнѣ неоднократно приходилось участвовать въ качествѣ зрителя въ вотскихъ моленіяхъ, но нигдѣ и не отъ кого я не слыхалъ, чтобъ вотяки просили у Бога гору золота и серебра, чтобъ построить себѣ золотыя или серебряныя чумы, клѣти, заборы и т. п. Неумѣренность просьбъ въ вотскихъ молитвахъ дѣйствительно замѣчается, но она касается только хлѣба. Вотякъ молится: „Дай намъ, Боже, полныя гумна хлѣба; посѣянное нами возрасти хорошо, разсѣянное пятью пальцами уроди въ тридцать соломинъ. Уроди такъ, чтобъ соломина была, что камышъ желтый, а зерно— что яйцо куриное. Уроди, Боже, чтобъ можно было ставить копну возлѣ копны, кладъ возлѣ клади и т. д. Подобная просьба вотяка намъ вполнѣ понятна: вотякъ—усерднѣйшій хлѣбопашецъ; онъ хлѣбомъ только и живетъ: хлѣбомъ онъ домъ свой содержитъ, хлѣбомъ одежду покупаетъ, хлѣбомъ подати платитъ; словомъ, хлѣбъ для вотяка—необходимѣйшее и самое ближайшее къ его сердцу богатство, о которомъ онъ такъ усердно и проситъ Бога ¹⁾.

Затѣмъ въ приведенной о. Блиновымъ молитвѣ есть еще выраженіе, ясно свидѣтельствующее, что она, эта молитва, измышлена имъ самимъ. Здѣсь вотякъ проситъ себѣ у Бога кровать, о которой онъ до послѣдняго времени и понятія не имѣлъ и въ которой онъ совсѣмъ не нуждается: вотяки спятъ на нарахъ, на полатяхъ и на печи, а кровати совсѣмъ не употребляютъ. Если бъ я сталъ говорить, что самоѣдъ проситъ себѣ у Бога столько оленей, сколько звѣздъ на небѣ, чтобъ у всѣхъ его оленей были золотые рога, серебряныя копыта, то съ этимъ вы еще согласитесь, потому что олень для самоѣда, что хлѣбъ для вотяка, это—самое желанное его богатство. Но если я стану

¹⁾ Интересующіеся вотяцкими молитвами могутъ обратиться къ книгѣ о. Бориса Гаврилова: «Произведенія народной словесности вотяковъ», гдѣ помѣщено нѣсколько вотскихъ молитвъ по вотски и въ переводѣ на русскій языкъ.

утверждать, что самоѣдъ просить, чтобъ у него были орловскіе рысаки или кони арабскіе, въ которыхъ онъ не имѣетъ никакой нужды, то не скажете ли вы, что я говорю чистѣйшей абсурдъ? Подобно этому о. Блиновъ утверждаетъ, что вотякъ просить себѣ у Бога такую вещь, которая ему совсѣмъ не нужна, или которую онъ совсѣмъ не ищетъ.

Наконецъ, эту самую молитвою о. Блиновъ какъ нельзя лучше противорѣчитъ самому себѣ. Нѣсколько раньше онъ замѣчаетъ, что вотяки презираютъ удобства и роскошь въ жизни, пищѣ и обстановкѣ, а потомъ вдругъ говорить, что они, вотяки, просятъ у Бога серебра и золота, чтобъ имѣть серебряныя или золотыя ложки, чашки, стулья, клѣти и т. п. Ъсть изъ серебряныхъ чашекъ и ложекъ; сидѣть на серебряныхъ стульяхъ, спать на серебряныхъ кроватяхъ, жить въ золотыхъ въ чумахъ,—это ли не удобство, это ли не роскошь?!

На заявленіе о. Блинова, что „признаніе вѣрности его мнѣнія (совершенно ложнаго, какъ мы уже видѣли) въ высшей степени важно для всѣхъ трудящихся на пользу вотяковъ, (т. е. миссіонеровъ и священниковъ), потому что, зная источникъ темноты, окутывающей цѣлое племя, возможно съ большимъ успѣхомъ бороться съ язычествомъ этихъ инородцевъ“, — замѣчу, что отъ знанія источника темноты вотяковъ миссіонерство среди нихъ мало улучшится. Мы, напр., отлично знаемъ источникъ темноты татаръ-магометанъ, но бороться съ ними не можемъ. Полный успѣхъ миссіонерства зависитъ отъ усердія и любви къ своему дѣлу трудящихся, да отъ Божіей помощи.

Въ заключеніе укажу на ту причину, которою обуславливается заблужденіе о. Блинова. Причина эта—полное незнаніе имъ вотскаго языка и незнакомство съ вотяками и ихъ религіозными обрядами всѣхъ мѣстностей. Будучи незнакомъ съ религіозными обрядами вотяковъ всѣхъ мѣстностей, онъ на основаніи мѣстнаго моленія „Будда вѣсь“ вывелъ общее заключеніе, что вотяки никто иные, какъ буддисты. Вслѣдствіе незнанія вотскаго языка, онъ не понялъ значенія слова „Инмар“ и истолковалъ его совершенно нелѣпо. Кромѣ того, по незнанію же языка вотяковъ, о. Блиновъ всѣ слова, выраженія и молитвы вотяцкія, встрѣчающіяся

въ его книгѣ, изобразилъ и истолковалъ неправильно. Такъ онъ совсѣмъ не изображаетъ тѣхъ звуковъ, которые свойственны только вотскому языку и совершенно чужды русскому, и этимъ самымъ искажаетъ вотскія слова почти до неузнаваемости. Затѣмъ онъ одни и тѣ же слова изображаетъ различно. Такъ, напр., слово *восяськын*—молиться пишеть трояко: *восяськын*, (ст. 26) *высачконы* (34 ст.), *ви-сяськон* (ст. 26) и т. д. Наконецъ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ два слова соединяеть въ одно, напр.: *удмуртсиян*—по обычаю вотяковъ, по всей вѣроятности, думая, что это такъ и слѣдуетъ. Выраженіе: *мон уг тодыськы номырно*—„я не знаю ничего“—изобразилъ очень курьёзно: *мон уктодыскино мырно*. „*Тыты лудъ*“ (еще говорятъ: *тыты луд*) названіе мольбища близъ д. Айдуанъ-Чабьи, по объясненію о. Блинова не вѣрно, а надо: „*таты-ул*“ (?) или „*тыты-уд*“, что значить „дубы вотскаго племени“ (?). „*Касніополы*“ по его же объясненію значить „подъ березами“; „*кызь улъ*“—„подъ елью“ (кызь собственно значить „двадцать“, а по сарапул. нарѣчію означаетъ еще „мочу“), „*пужимъ-улъ*“—„подъ соснами“ и т. д.

Было бы ошибочно думать, что указанная и всѣ другія подобныя имъ ошибки объясняются корректурнымъ недосмотромъ. Корректурныя ошибки въ книгахъ дѣйствительно бывають, но вѣдь онѣ встрѣчаются не въ каждомъ словѣ или предложеніи, какъ это у о. Блинова. Думаю, что всѣ ошибки, заключающіяся въ неправильномъ изображеніи и истолкованіи вотскихъ словъ, объясняются только полнымъ незнаніемъ о. Блиновымъ вотскаго языка, а ничѣмъ инымъ.

Я всегда удивляюсь тѣмъ лицамъ, которые обладая нѣкоторою книжною ученостью, но не зная надлежащимъ образомъ инородцевъ, принимаются писать о нихъ цѣлыя книги. Поживуть у инородцевъ незначительный промежутокъ времени, прочитають напечатанныя до нихъ книги, выучать самое ограниченное количество инородческихъ словъ, и уже начинаютъ воображать, что могутъ сами ориентироваться въ вопросахъ объ инородцахъ. Нѣтъ, для этого надо жить среди инородцевъ нѣсколько лѣтъ и не въ одной только мѣстности,

подобно о. Блинову, а во всѣхъ занимаемыхъ тѣмъ или другимъ ивородческимъ населеніемъ мѣстностяхъ. Чтобы быть компетентнымъ судьей въ вопросахъ объ инородцахъ, не достаточно одной книжной учености, этого мало: надо еще быть проникнутымъ духомъ инородцевъ, пожить ихъ жизнью и узнать въ совершенствѣ ихъ языкъ.

И. Михеевъ.

КОНЧИНА И ПОГРЕБЕНІЕ

воспитанника V класса Казанской духовной семинаріи Владимира Воскресенскаго.

27-го апрѣля въ 8^{1/2} часовъ утра съ Казанской улицы на Воскресенскую поднималась печальная глубоко-трогательная процессія. Воспитанники духовной семинаріи въ предшествіи священнослужителей и св. иконъ несли въ свой храмъ для отпѣванія тѣло почившаго товарища, воспитанника V класса Владимира Воскресенскаго, скончавшагося 20-ти лѣтъ отъ роду. Почившій, — сынъ священника Никологостиннодворской г. Казани церкви о. Аеанасія Семеновича Воскресенскаго, — былъ дорогимъ членомъ родной семьи, горячо любимый за свой миролюбиво-ласковый характеръ, за свою простую, честную душу. Семинаріи онъ извѣстенъ, какъ одинъ изъ ея хорошихъ питомцевъ, особенно отличавшійся духомъ церковности, столь необходимымъ въ питомцахъ духовной школы. Покойный добровольно прислуживалъ въ алтарѣ при совершеніи богослуженія, каждый разъ являясь однимъ изъ первыхъ въ храмѣ и уходя послѣднимъ. Среди товарищей онъ пользовался любовью за тѣсную связь съ классомъ, за ласковость и отзывчивость сердца, за свой открытый и честный характеръ.

Отличаясь крѣпкимъ тѣлосложеніемъ, цвѣтущимъ физическимъ здоровьемъ, почившій конечно не помышлялъ не только о столь ранней смерти, но и вообще о возможности серьезной болѣзни, такъ что, когда въ концѣ великаго поста онъ почувствовалъ нѣкоторое утомленіе и недомоганіе въ организмѣ, то не обратилъ на это должнаго вниманія,

думая, что все пройдет само собою. Однако недугъ усилился. Но съ дѣтства укоренившаяся привязанность къ храму Божію, къ службамъ церковнымъ, не позволяла почившему оставаться дома и отдыхать въ наступившіе великіе дни, и только уже въ послѣдніе дни страстной седмицы онъ заявилъ о. ректору о своей слабости и отпросился отдохнуть дома. И не думалъ онъ тогда, не думали его товарищи, сердечно желавшіе ему скорого выздоровленія, что это его послѣднее пребываніе въ храмѣ Божіемъ и въ домѣ семинаріи. Съ этого дня почившій слегъ въ постель; и не окончились еще праздники, какъ обнаружилось, что у него скоротечная чахотка. Никто не хотѣлъ вѣрить такому печальному исходу. Родные почившаго, его друзья и товарищи обратились съ горячей молитвой къ Единому вѣрному Цѣлителю всѣхъ недуговъ Благому и Милосердому Господу; товарищи отслужили молебенъ о выздоровленіи болящаго въ семинарской церкви, всецѣло уповая на волю Божію. И казалось, что Господь сжалился надъ жестокимъ горемъ родителей. По болѣе тщательномъ изслѣдованіи состоянія больного выяснилось, что у него не скоротечная чахотка, а острое скрупулезное воспаленіе легкаго. Къ тому же самъ больной, причастившись св. Тайнъ Тѣла и Крови Христовой, почувствовалъ нѣкоторое облегченіе болѣзни. Товарищи снова прибѣгли съ теплой молитвой къ Вышней помощи и служили при благосклонномъ участіи о. ректора молебенъ о выздоровленіи болящаго предъ чудотворной иконой Казанской Божіей Матери въ Казанскомъ женскомъ монастырѣ. Все это затеплило въ сердцахъ, близкихъ къ болящему, искру надежды на его выздоровленіе. Самъ болящій ожилъ и повеселѣлъ, но не надолго. Господь продлилъ Свое посѣщеніе и испытаніе семейству. Развившаяся болѣзнь не поддавалась врачеству и быстро подточила надломленный организмъ. Послѣ 20-го числа (апрѣля) больной сталъ чаще и чаще впадать въ безпамятство, а въ Преполовленіе 25-го апрѣля тихо скончался въ 9^{1/2} часовъ утра. Трудно было еще не такъ давно полному жизненныхъ силъ и энергіи юношѣ смириться предъ своей участью и безропотно принять смерть. Но здѣсь помогло христіанское воспитаніе, получаемое въ духовномъ семействѣ, та среда, въ которой онъ вращался съ дѣтства, какъ членъ семейства духовнаго

лица, и безъ сомнѣнія тѣ 10 лѣтъ обученія, которые онъ провелъ подъ кровомъ духовной школы. Ужасныя страданія, причиняемыя болѣзью, онъ переносилъ совершенно безропотно, смиренно принявъ выпавшій на его долю тяжелый крестъ, всецѣло уповавъ на Бога, горячо молясь и прося Его всякій разъ, какъ приходилъ въ сознание, и не только не жаловался на болѣзнь, но наоборотъ всячески старался ободрить и утѣшить своихъ страдающихъ родителей. Придя въ себя утромъ въ день смерти и увидѣвъ возлѣ мать, онъ собралъ послѣднія силы и крикнулъ ей: „умру, мама, умру“, но лицо его при этомъ не выражало мучительнаго отчаянія разставанія съ жизнью, а было спокойно и свѣтло.

Воспитанники VI и V кл., извѣщенные тотчасъ о смерти своего товарища, сами обмыли его, одѣли и затѣмъ со своимъ уважаемымъ о. ректоромъ отслужили торжественно-трогательную панихиду по усопшемъ товарищѣ и другѣ. Вечеромъ того же дня, послѣ положенія тѣла во гробъ и панихиды, отъ лица всѣхъ воспитанниковъ духовной семинаріи въ знакъ любви и товарищеской дружбы на гробъ усопшаго былъ возложенъ вѣнокъ съ теплымъ словомъ благорасположенія къ почившему товарищу и участія къ несчастію и скорби горячо любившихъ его родителей.

Въ теченіе 2-хъ дней пребыванія тѣла почившаго въ домѣ при гробѣ неумолкаемо читался псалтирь, при чемъ читали воспитанники семинаріи и днемъ и ночью, и не только одноклассники почившаго товарища, но и многіе изъ воспитанниковъ другихъ—старшаго и младшихъ классовъ; служились часто панихиды—на дому и въ семинарскомъ храмѣ, а также и заупокойныя литургіи.

Отпѣваніе почившаго происходило въ семинарскомъ храмѣ соборнымъ служеніемъ въ присутствіи воспитанниковъ семинаріи и гг. преподавателей.

И во время Божественной литургіи, и особенно во время отпѣванія пѣвчіе семинарскаго хора пѣли весьма прочувствованно. Ясно было, что пѣвчіе сознавали всю важность совершавшихся молитвословій и ихъ сердечное проникновеніе происходившими священнодѣйствіями выразилось въ особенно-умилительномъ отпѣнкѣ всего вообще пѣнія, что и возможно, когда каждый изъ пѣвчихъ проникнутъ соответствующимъ настроеніемъ духа. Въмѣсто запричастнаго стиха

былъ пропѣтъ псаломъ „Живыи въ помощи Вышняго въ кровѣ Бога Небеснаго водворится“, а затѣмъ было произнесено слово преподавателемъ семинаріи, священникомъ Н. А. Воронцовымъ.

Во время отпѣванія произнесены были три надгробныя рѣчи товарищами почившаго, воспитанниками 5-го класса Степановымъ, Кожевниковымъ и Дроздовымъ.

Послѣ чтенія Евангелія сказалъ проникнутое отеческою любовью къ почившему слово самъ о. ректоръ.

„Христосъ воскресе,

Возлюбленный почившій нашъ питомецъ“!

Никто изъ насъ не ожидалъ, что болѣзнь твоя, такъ внезапно постигшая, унесетъ тебя отъ насъ на вѣки и сокроетъ въ землѣ сырой. Всѣ мы привыкли видѣть тебя цвѣтущимъ, полнымъ силъ духовныхъ и тѣлесныхъ, надѣялись, что тебѣ судилъ Господь много и долго жить на утѣшеніе своихъ родителей, на пользу церкви святой и родины нашей. Еще такъ недавно ты былъ среди насъ сильнымъ, бодрымъ; любилъ семинарскій храмъ, церковное пѣніе, исправно и наравнѣ съ воспитанниками старшаго класса всегда однимъ изъ первыхъ являлся для прислуживанія въ алтарѣ, завѣдывалъ церковною ризницею, приготавливалъ облаченія для священнослужашихъ,— и вотъ теперь тебя не стало. Еще на страстной недѣлѣ, видимо расхворавшійся, ты продолжалъ посѣщать Богослуженіе въ нашемъ храмѣ, и только разъ заявилъ мнѣ, что тебѣ нездоровится; послѣ совѣта: побудь дома и поlechись,—ты пересталъ ходить въ семинарію. Любовь твоя къ храму Божію, къ службѣ церковной, очевидно пересиливала уже таившуюся въ тебѣ болѣзнь и влекла тебя къ намъ. Надѣмся, что Отецъ Небесный, видящій вся тайная въ чловѣкѣ, воздастъ тебѣ за это сторицею въ загробной жизни твоей. Твой открытый, прямой характеръ, твоя честность въ сужденіяхъ и поступкахъ привлекала къ тебѣ лучшихъ твоихъ товарищей, твоя нѣкая рѣзвость въ защитѣ праваго дѣла иногда причиняла тебѣ непріятности со стороны младшихъ, еще неразумныхъ, сотоварищей, но это-то и служить тебѣ въ похвалу. Въ наше

время разнаго шатанія умственнаго и дороги тѣ лица, кото-
вые готовы стоять за все честное и благородное, готовы
бороться со всякою низостию и лживостию. А извѣстно, что
въ большой семьѣ всего можетъ быть довольно: и хорошаго,
и дурнаго. Если намъ жалко прощаться съ тобою и при-
томъ на вѣки, то каково прощаться близкимъ тебѣ: твоимъ
родителямъ, братьямъ и сестрамъ, убитымъ потерю тебя.—
Но возлюбленный почившій нашъ питомецъ, что для насъ
служить потерю, то для тебя составляетъ приобрѣтеніе.
И своею недолгою, земною жизнью ты успѣлъ приготовить
къ другой небесной жизни. Еще во дни крѣпости силъ
своихъ ты горѣлъ любовью ко всему божественному, истин-
ному; во дни же тяжелой твоей болѣзни, ты очистилъ и свою
совѣсть и душу тайнствами покаянія и Св. Причастія.

Да сподобитъ тебя Господь Богъ милости своей въ
царствіи Своемъ; мы же, возлюбленные друзья мои, будемъ
чаще вспоминать въ молитвахъ своихъ почившаго отрока
Владимира. Аминь“.

Торжественно-умилительное отпѣваніе, сердечность про-
изнесенныхъ рѣчей произвели весьма глубокое впечатлѣніе
на молящихся. Всюду была видна горячая искренняя молитва
за усопшаго.

На мѣсто вѣчнаго успокоенія усопшаго провожали почти
всѣ воспитанники семинаріи, а также и всѣ бывшіе въ
церкви на отпѣваніи. Гробъ несли товарищи до самой мо-
гилы. Проводилъ усопшаго и о. ректоръ семинаріи.

Послѣ обычной литіи и чина преданія тѣла землѣ при
опусканіи гроба въ могилу была сказана еще рѣчь однимъ
изъ товарищей почившаго. Со словами любви и участія,
надежды на славное воскресеніе и вѣчную блаженную жизнь
тѣло усопшаго было опущено въ мѣсто своего успокоенія.

Вѣчная память тебѣ нашъ незабвенный другъ и
товарищ!

А. Степановъ.

ВЪ МАГАЗИНЪ ФАБРИКАНТА

СТЕПАНОВА

ИМѢЕТСЯ ВЪ БОЛЬШОМЪ ВЫБОРѢ:

СУКОННЫЙ ТОВАРЬ

ДЛЯ МУЖСКИХЪ И ДАМСКИХЪ КОСТУМОВЪ И ВЕРХНИХЪ
ВЕЩЕЙ, А ТАКЖЕ ФОРМЕННЫЙ ДЛЯ ВСѢХЪ ВѢДОМСТВЪ
И УЧАЩИХСЯ.

Шелковыя, шерстяныя и бумажныя матеріи

для дамскихъ платьевъ.

Одѣяла, пледы и платки.

для духовныхъ особъ

Репсъ, камлотъ, (шерстяной непромокаемый)

и другія ткани.

ЦѢНЫ БЕЗЪ ЗАПРОСА.

Складъ армейскихъ суконъ, урсовъ и бобриковъ.

Редакторъ профессоръ Казанской дух. Академіи С. Терновскій.

Казань. Типо-литографія Императорскаго Университета.